

Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы)

Э. В. Хилханова

Институт языкознания РАН, Москва; erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Аннотация. Целью статьи является обобщающий и сравнительный анализ теории и практики дискурсивного «поворота к людям» в языковой политике на примере России и стран Западной Европы. Делается вывод о трансформации взглядов на субъектность в языковой политике в сторону большей инклюзивности и отхода от государствоцентричности. Предложена типология акторов языковой политики, обнаружены сходства и различия языкового активизма в России и Западной Европе. Делается вывод о повышении роли этнического самосознания и изменении лингвистических идеологий в сторону большей либеральности и толерантности.

Ключевые слова: языковая политика, миноритарные языки, дискурсивная социолингвистика, субъектность, языковой активизм, «новые говорящие», акторы, свобода действий, лингвистические идеологии, (русский) монолингвизм, Россия, Западная Европа.

People in language policy: Theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe)

E. V. Khilkhanova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow;
erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Abstract. The article proposes a general review and comparative analysis of the theory and practices of the “turnaround to people” in the language policy in Russia and Western Europe. It looks into the theoretical and terminological specifics of this process while comparing the “grassroots” actors of respective language policies, the social and political context of their activities, and the linguistic ideologies behind them.

The article notes an on-going change in the views on subjectivity in language policies, a turn toward greater inclusiveness, and a departure from state-centered approaches. It proposes a classification of language-policy actors while pointing out the similarities and differences in language activism in Russia and in Western Europe. They are similar in that their language activism is developing in the urban environment; the activists are heterogeneous, predominantly young people actively applying new technologies. Russia differs in that its language activism has had a later start, shows a smaller scale, while the people are less prepared to take personal responsibility for and initiative in minority languages preservation. A comparison of the socio-political context of language activism in Russia and in Western Europe shows that (1) the important factors for minority languages preservation include political autonomy and a developed sense of ethnic identity, and (2) duality and inconsistency of the ethno-linguistic policy are prominent features of Russian state bodies. After a brief review of the interrelated modern linguistic ideology components such as hypertraditionalization, association of language with only the nation's past developments, the ideology of authenticity, purism, and (Russian) monolingualism, the article highlights not only the growing importance of linguistic ideology studies, but also the ideology's unfolding transformation toward greater liberalism and tolerance. In conclusion, the paper notes a significant progress achieved by the sociolinguistic literature in its analyses and theoretical understanding of the ongoing "turn-around to people" process, while more insistent research in this field is still high on the agenda. The article was prepared as a contribution toward better theoretical understanding of these problems from the macro-sociolinguistic perspective.

Keywords: language policy, minority languages, discursive sociolinguistics, subjectivity, language activism, «new speakers», actors, agency, linguistic ideologies, (Russian) monolingualism, Russia, Western Europe.

1. Введение

До относительно недавнего времени при изучении миноритарных языков¹ причины их неблагоприятного положения виделись в основном в языковой политике государства, будь то Франция, Германия, бывший

¹ Термин «миноритарные языки» (языки меньшинств) используется в отношении всех языков, соответствующих двум критериям: количественному и функциональному, т. е. имеются в виду языки, носители которых представляют демографическое меньшинство в регионе своего проживания, и языки, функции и сфера использования которых ограничены по сравнению с официальными языками / языком данного региона.

Советский Союз или другие страны. До определенного момента в истории это было оправдано: примерно до середины XX в. большинство стран проводило в той или иной степени дискриминационную политику по отношению к миноритарным языкам (далее — МЯ). В итоге только между 1950 и 2010 гг. из 2500 языков, перечисляемых в Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения, 230 окончательно исчезло [UNESCO Atlas]. Однако с послевоенного времени в западноевропейских странах понемногу рождается осознание: необходимо поддерживать многоязычие и языковое разнообразие [Смокотин 2010: 4]. Принимается ряд документов, начиная со Всеобщей декларации ООН о правах человека (1948 г.), Международного пакта ООН о гражданских и политических правах (1966 г., вступил в силу в 1976 г.), что становится легитимным основанием и точкой отсчета новой идеологической парадигмы, построенной на признании ценностей многоязычного и поликультурного общества.

В результате в последние десятилетия на арене языковой политики (далее — ЯП) появились новые игроки, доселе лишённые права голоса в ее определении; с этого момента «низы» не только пассивно принимают или сопротивляются ЯП, проводимой «верхами», но и сами в той или иной степени делают ее. В этом контексте наиболее ярким воплощением новых идеологий и практик в Западной Европе являются «новые говорящие» (*new speakers*) — люди, которые освоили МЯ не «естественным» путем — в семье, а сознательно и целенаправленно, через систему образования (школы, языковые курсы и т. д.) или самостоятельно (подробнее об этом см. в *Разделах 3, 4 и 5*). Понятие «новые говорящие» интерпретируется нами как часть языкового активизма, который представляет собой третью, недооцененную силу в сфере языковой политики (подробнее о языковом активизме см. далее).

Произошедшие изменения отражаются и в научной теории: в социолингвистике и других смежных дисциплинах в последние десятилетия происходит ревизия старых и появление новых концепций и понятий, поскольку только так можно отразить все многообразие изменяющейся многоязычной картины мира как в глобальном, так и региональных масштабах. Меняется и одно из базовых понятий социолингвистики — понятие языковой политики, отражая ее нынешний все более многослойный и полифонический характер [Tollefson, Pérez-Milans 2018; Johnson 2009, 2013]. Несмотря на большое количество исследований на тему ЯП, составляющих на сегодня отдельную субдисциплину социолингвистики, само понятие языковой политики относится к числу «интуитивно понятных» и поэтому зачастую используемых по умолчанию.

Если раньше для большинства как западных, так и российских исследований в этой области «дефолтной» интерпретацией ЯП было понимание ее как процесса, проводимого «сверху», что отмечается во многих публикациях [Tollefson, Pérez-Milans 2018; Мухарьямов 2018; Ricento, Hornberger 1996; Canagarajah 2005 и др.]), то в исследованиях современной ЯП подчеркивается ее дискурсивный и многоуровневый характер [Barakos, Unger 2016; Halonen et al. 2015] и приоритетное внимание уделяется тому, как официальная языковая политика, сформированная на правительственном уровне (общегосударственном или региональном), интерпретируется и обсуждается на местах различными социальными субъектами, как носителями, так и не-носителями того или иного идиома [Johnson 2013; McCarty 2011].

Наверное, не будет преувеличением назвать нынешнее внимание к роли отдельных людей в политических процессах дискурсивным поворотом в исследованиях ЯП. При этом здесь очевидно лидерство западной науки, что проявилось и в терминологии (*agency, actors, language activism* и т. д.), и в появлении новых подходов, таких, как этнография ЯП (подробнее об этом см. в Разделе 2). В отличие от западноевропейских стран, в России мы не можем констатировать массовое появление «новых говорящих», да и языковой активизм в силу ряда причин отстал на несколько десятков лет от аналогичных движений в Западной Европе. Таким образом, как с теоретической, так и с фактической точки зрения проблематика «люди в языковой политике» и ее общественно-политический контекст в России и Западной Европе имеют как сходства, так и существенные отличия. Сопоставление этих двух макрорегионов под таким углом зрения представляется очень интересной задачей, которая позволит:

- 1) сравнить взгляды на категорию субъектности в российской и западной социолингвистике в теоретическом плане, включая вопросы терминологии и адаптации англоязычных терминов в русскоязычном научном дискурсе;
- 2) показать, как языковые активисты, включая «новых говорящих», вносят вклад в ревизию и трансформацию как практик, так и теоретических представлений о языковой политике, ее акторах и субъектах в данных макрорегионах;
- 3) проанализировать роль общественно-политического контекста в деятельности языковых активистов, включая «новых говорящих», в сравнительном аспекте;

- 4) исходя из того, что ЯП неизменно основывается на лингвистических идеологиях, рассмотреть некоторые наиболее актуальные лингвистические идеологии, служащие препятствием использованию, освоению и продвижению МЯ.

В отличие от «новых говорящих» в странах Западной Европы, языковой активизм в России еще не становился объектом специального научного исследования, хотя роль языковых активистов как проводников ЯП очень важна: «Путь от языковых прав к языковой политике проложен языковым активизмом, но этот путь все еще плохо понимается с точки зрения законности, прав, обязанностей и политик»² [Combs, Penfield 2012: 474]. Поэтому анализ «низовых» инициатив для сохранения МЯ, их акторов и общественно-политического контекста, наиболее актуальных для России лингвистических идеологий в сопоставлении с языковым активизмом в Западной Европе, как нам представляется, может внести вклад в теоретическое осмысление «дискурсивного поворота» к людям в ЯП в России. Принцип сопоставления призван выявить как общие тенденции, так и специфические для Западной Европы и России конкретные характеристики этого процесса. Поскольку работа носит теоретический характер, материалом послужили преимущественно вторичные источники (опубликованные результаты исследований в области ЯП и социолингвистики в целом), но также были задействованы и первичные источники (тексты официальных документов, статистические сведения, тексты на темы языковой политики и языковой ситуации в России в социальных сетях и на веб-сайтах, данные этнографического наблюдения и полевого исследования автора).

В статье реализован в основном макросоциолингвистический подход. Масштабность географического охвата с очевидностью предполагает некоторое невнимание к деталям, региональным и прочим особенностям. Но работы макросоциолингвистического, обобщающего и сопоставительного плана нужны не меньше, чем микроуровневые исследования, т. к. они позволяют выявить глобальные тренды, их общности и различия как в теоретических подходах, так и в практике (в данном случае языковой политики). Каждая из рассматриваемых категорий, будь то *agency*, общественно-политический контекст или лингвистические идеологии, так или иначе была объектом отдельных исследований, которые рассматриваются в соответствующих разделах.

² Здесь и далее перевод наш. — Прим. Э. Х.

Вместе с тем можно с уверенностью ожидать появления новых интересных работ, проливающих дополнительный свет на действие «человеческого фактора» в языковой политике.

2. Российский и западный взгляд на субъектность в языковой политике

Содержательный анализ современных российских исследований на тему ЯП обнаруживает, что для большинства, помимо интерпретации ЯП как процесса, проводимого «сверху», характерен макросоциолингвистический взгляд на ЯП. В последнее время, однако, появляется все больше работ, в которых осознается необходимость дискурсивного «поворота к людям» и критикуются недостатки макросоциолингвистического и top-down подхода к ЯП. Например, отмечается, что большинство политиков рассматривают ЯП лишь как законодательную возможность регламентирования употребления языков, не обращая внимания на то, что языковое законодательство должно учитывать реально сложившуюся языковую ситуацию в обществе [Шепелев 2015: 168].

Вопрос, кто может и должен проводить и реализовывать ЯП, рассматривается в России в рамках категории *субъектности*, т. е. кто является субъектом / субъектами ЯП. Характерный для России государственноцентричный подход проявляется в распространенном взгляде на то, что «в современной России доминирующим субъектом языковой политики является государство», хотя это «внутренне не единый и, в общем-то, не единственный политический субъект» [Борисова 2019: 76]. Помимо государства, упоминаются также негосударственные акторы и агенты «языковой преференциальной политики» в современной России — это, прежде всего, разнообразные, в т. ч. этнические, некоммерческие организации (НКО), образовательные государственные и негосударственные учреждения (прежде всего университеты), деятельность которых разнообразна в различных региональных контекстах. Н. В. Борисова также отмечает, что субъектами языковой политики являются не этнические группы и сообщества, а политические и общественные организации, политические элиты и лидеры, совмещающие и статус субъектов / агентов языковой политики [там же].

Порой проводится принципиальное разграничение между теми, кто может «проводить ЯП», и теми, кто может «оказывать влияние» на нее:

«Проводить языковую политику могут только государственные органы, обладающие для этого определенными полномочиями, поскольку языковая политика является важнейшим компонентом национальной политики и, соответственно, реализовываться она может только на определенном пространстве. При этом оказывать влияние на языковую политику могут различные общественные организации, движения, партии и другие посредством внесения определенных предложений в соответствующие государственные органы» [Шепелев 2015: 169]. Автор утверждает, что в России языковая политика всегда носила насильственный характер, объясняя это большим количеством проживающих на ее территории народностей со своими языками и, как следствие, необходимостью создания единого языка общения наций и народностей, которым выступал русский язык, вытесняя иные языки [там же: 170–171].

В сборнике экспертных докладов «Языковая политика в современной России: проблемы и перспективы» сказано: «В Российской Федерации субъектами реализации языковой политики являются ее административные и судебные инстанции. Ключевыми учреждениями в этой сфере являются Федеральное агентство по делам национальностей и Министерство образования» [Головкин и др. 2018: 16]. При этом авторы сборника заявляют о своем более широком понимании ЯП, перечисляя в списке субъектов ее реализации, помимо государства и его институтов, «множество других субъектов политики, включая региональные политические элиты, различные группы творческой интеллигенции и академической науки, бизнес-элиты, лидеров и активистов различных общественных движений и неправительственных организаций, а также религиозных организаций и различных конфессий, университетских преподавателей и школьных учителей, студентов и школьников и их родителей, издательства, редколлегии газет и журналов, мигрантские сообщества и землячества и т. д.» [там же: 6].

Конечно, государствоцентричный взгляд на субъекты ЯП отражает реалии централизованного и авторитарного государства, каковым Россия была со времен Российской империи, и где люди, действительно, являлись не субъектами, а объектами ЯП. Мы согласны с Л. Гренобль и Н. Булатовой, что, хотя особенности отдельных языковых сообществ различаются в деталях, централизация власти в Российской Федерации, а до нее в Советском Союзе, означает, что общие решения о языковой политике и планировании исходят из Москвы в другие «периферийные» регионы. На примере ЯП в отношении стандартизации языков авторы подчеркивают, что сам вопрос о том, принимали ли коренные

народы, сопротивлялись или отвергали разработанный для них стандартизированный вариант языка, неверен, поскольку право принимать решения у коренных народов в Советском Союзе ограничивалось только политикой внутри семьи, а их взгляды и идеологии подвергались сильному влиянию языковой и образовательной политики государства [Grenoble, Vulatova 2018: 118–119].

В силу вышесказанного понятно, почему работ по ЯП Советского государства множество, но гораздо меньше пишут о том, как люди реагировали на инициированные «сверху» меры по ЯП, поддерживали они или не поддерживали существующую ЯП, каковы были их мнения и установки. Вообще для советской социолингвистики было характерно более сильное и продолжительное, чем в западных социальных науках, недоверие к субъективным фактам и факторам; социолингвистами исследовались либо внешние, социальные аспекты языковых ситуаций (этноязыковая политика государства, влияние модернизации и глобализации, соотношение между этническим большинством и меньшинством, наличие или отсутствие институциональной поддержки и др.), либо структурные (внутриязыковые) изменения, происходящие с контактирующими языками — как правило, с миноритарными языками в контакте с мажоритарным. Субъективные, «привязанные к человеку» параметры языковой ситуации только упоминались в виде социальных установок [Швейцер 1976: 134] или аксиологического параметра языковых ситуаций [Виноградов 1990: 616–617], но не подвергались специальному изучению. Об этом свидетельствует и отсутствие ряда обозначающих субъектность терминов в «Словаре социолингвистических терминов» 2006 г.: языковые установки (они лексикографированы как социальные установки), агенсу, актор и т. д. [Михальченко 2006].

Социолингвистика постсоветского периода постепенно начинает обращать внимание на «говорящего человека» (термин Остгофа и Бругмана: [Остгоф, Бругман 1960: 153]). Здесь особо следует отметить работы Н. Б. Вахтина, который включил в набор традиционно рассматриваемых детерминирующих факторов установки и мотивации самих акторов и весьма убедительно рассмотрел их роль в языковом сдвиге на материале языков народов Севера ([Вахтин 1998, 2001]; см. также [Вахтин, Головкин 2005]). Из-за становящейся все более очевидной ограниченности эвристических и экспланаторных возможностей традиционного анализа внешних факторов Э. В. Хилхановой предлагается методология *дискурсивной социолингвистики*, расширяющая наши представления о социолингвистических явлениях как «вширь», так

и «вглубь». Первое предполагает интерпретацию данных в широком социокультурном, этнопсихологическом, политическом и других контекстах, второе — изучение того, что происходит «в голове» человека, как индивидуума, так и группы, при использовании и выборе языка: это отношение к языку, мотивации и языковые установки; поведенческие и речевые стереотипы; существующие в обществе и группе социокультурные нормы, а также особенности национального характера, включающие в себя привязанность народа к своей культуре и языковую лояльность коллектива [Хилханова 2009]. Появление таких работ в России в первое десятилетие 2000-х гг. симптоматично, т. к. это показывает общность мировых тенденций и вектора развития исследований ЯП с учетом человека, а не только системы. Впоследствии таких социолингвистических и междисциплинарных работ появляется такое количество, что мы только ограничимся их перечислением, ни в коей мере не претендуя на полноту: [Баранова 2010; Fedorova, Gavrilova 2010; Хилханова и др. 2016; Иванова 2018; Fedorova, Baranova 2018; Баранова 2019] и др.

В западной науке учет «низовых» (grassroots) процессов и инициатив и стоящих за ними людей произошел раньше, чем в российской, — примерно с конца 1990-х — начала 2000-х гг. [Ricento, Hornberger 1996; Canagarajah 2005]. Сформировалось направление, получившее название этнографии языковой политики [Johnson 2009, 2013; Hornberger, Johnson 2007; McCarty 2011]. До того, как произошел этот поворот, даже устоявшиеся категории ЯП, такие, как корпусное и статусное планирование, были направлены скорее на сам язык, чем на говорящих на этом языке. Для корпусного планирования это естественно, однако и статусное планирование было сосредоточено скорее на самом языке, чем на его носителях, хотя очевидно, что статус языка влияет на его носителей и наоборот — статус говорящих также может влиять на сам идиом [Wiley, Garcia 2016: 49].

Этнография языковой политики (далее — ЭЯП) представляет собой гносеологически и методологически обновленный взгляд на анализ ЯП. Основная идея состоит в том, чтобы включить этнографическую составляющую в изучение процессов и контекстов ЯП. Это не просто механический учет этнографических данных в процессах ЯП — основным принципом ЭЯП является изучение «агентов, контекстов и процессов на нескольких уровнях создания, интерпретации и присвоения языковой политики» [Johnson 2013: 44]. Таким образом, основным достоинством ЭЯП является то, что она может снять противоречия между

взглядом на ЯП как исключительно на действия властей (макроуровень) и учетом активного творчества отдельных говорящих (микроуровень). Более конкретно, этот подход предполагает взгляд на политику как социокультурный процесс, и тогда в анализ вовлекаются практики, идеологии, установки и механизмы, которые влияют на выбор языка людей повсеместно и повседневно [McCarty 2015: 81]. ЭЯП обладает и практическим потенциалом, т. к. критическое описание и анализ конкретной ЯП, по сути, нацелены на расширение возможностей практиков на местах, чтобы добиться значимых социальных изменений и, возможно, улучшить ситуацию с языковым неравенством [Johnson 2009; McCarty 2015].

Далее мы хотели бы остановиться на некоторых теоретических вопросах терминологии, связанной с обозначением людей как действующих лиц в ЯП, и затронуть некоторые проблемы перевода и адаптации их в русскоязычном научном дискурсе.

Одним из ключевых в рассуждениях на тему ЯП в современной научной литературе является термин *agency*. Он является вполне устоявшимся в западных исследованиях ЯП, однако в российских социолингвистических работах его нельзя считать прижившимся. Его нет в «Словаре социолингвистических терминов» 2006 г. [Михальченко 2006], и тем более, по очевидным причинам, — в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 1990 г. [Ярцева (гл. ред.) 1990] и его втором издании — Большом энциклопедическом словаре по языкознанию 1998 г. [Ярцева (ред.) 1998]. Термин *agency* мы находим в диссертации С. В. Кириленко, где он находится в *Приложении 5* «Терминологические единицы англоязычной социальной лингвистики (на материале Словаря социолингвистики (A Dictionary of Sociolinguistics (2012)))» [Кириленко 2015: 252]. Этот факт наряду с отсутствием данного термина среди основных словарных статей словаря социолингвистических терминов свидетельствует о том, что он воспринимается и подается как новый, пришедший из «англоязычной социальной лингвистики» и еще не интегрировавшийся в российский социолингвистический тезаурус³. Помимо словарей, поиск этого термина как на английском языке, так и в переводе на русский (подробнее об этом см. ниже) среди социолингвистических публикаций дал единичные случаи использования

³ Подчеркнем, что мы не говорим здесь о гораздо более частотном использовании термина *agency* ('агентивность') в других лингвистических дисциплинах — исследованиях функционально-семантического, коммуникативного плана и др.

данного термина (см. [Баранова 2019b] и [Молодыхенко 2017], где он переводится как «агентивность»).

Нам представляется, что такой перевод — это слишком простое решение. Перевод этого термина довольно проблематичен, и это связано с его множественной интерпретацией. Распространенным в социальных науках является понимание *agency* как *свободы действий*, т. е. это способность людей действовать независимо и делать свой собственный свободный выбор. В этом значении оно противопоставляется *структуре*, т. е. таким факторам влияния, как социальный класс, религия, пол, этническая принадлежность, способности, обычаи и т. д. Эти факторы определяют или ограничивают агента и его решения [Barker 2005: 448]. Понятие *agency* относится к ощущению контроля над действиями и их последствиями и, соответственно, может переводиться как *волеизъявление* или *свобода воли*. Как говорят социальные психологи, «когда мы совершаем добровольные действия, мы не склонны чувствовать, что они просто случаются с нами, вместо этого мы чувствуем, что мы отвечаем за них. Ощущение свободы воли означает это чувство нахождения в водительском кресле, когда речь заходит о наших действиях» [Moore 2016: 1]. Л. Ахерн определяет *agency* как «социокультурно опосредованную способность действовать» [Ahearn 2001: 112].

Отсутствие консенсуса относительно общепринятой дефиниции подытожил В. П. Главеану: «Не[удивительно] для такой сложной концепции, [что] значение слова „agency“ не является однозначным и не существует согласия по поводу его значения». Он выделяет четыре антиномии понятия *agency*: «(1) *agency as complete freedom compared to the absence of freedom*; (2) *individual agency versus agency of supra-individual agents*; (3) *agency as expressive versus agency as responsive*; and (4) *agency as cognitive process versus agency as both a mental and physical reality*» [Glăveanu 2015: 247]⁴. И, наконец, касательно перевода понятия *agency* на русский язык читаем: «У этого слова нет общепринятого перевода, его часто переводят как „агент“, „агентность“, „агентство“, агентивность“, „действие“, „действенность“, „деятельность“. Из-за этого постоянно есть риск спутать “agency” с “agent”, “action”, “activity”. При столкновении с некоторыми из теорий на английском языке это станет

⁴ «...(1) *agency* как полная свобода по сравнению с отсутствием свободы; (2) индивидуальное *agency* по сравнению с *agency* надиндивидуальных агентов; (3) *agency* как <способ> выражения, а не ответа; и (4) *agency* как когнитивный процесс, а не как ментальная и физическая реальность».

особо принципиально, как, например, с теорией морфогенеза М. С. Арчер» [Кучинов 2015].

Минусом перевода термина *agency* как «агентивность» или «агентность» является и непрозрачность семантики, ассоциирующей больше с человеческой активностью, чем с его способностью выступать в качестве самостоятельного действующего лица и делать осознанный и свободный выбор, хотя впоследствии именно этот вариант перевода имеет шансы установиться и в социолингвистике, как это произошло, например, в социологии, т. к. однословные переводческие эквиваленты всегда имеют преимущество перед другими вариантами. На данный момент, исходя из вышесказанного, мы не будем останавливаться на каком-то из вариантов перевода, а будем использовать оригинальный английский термин в совокупности тех значений, которые были перечислены выше. Тем не менее переводной термин все же нужен, и задача эта не снимается с повестки дня, поскольку мы предполагаем, что данное направление исследований в социолингвистике будет только шириться.

В 2019 г. вышла в свет книга «Agency in Language Policy and Planning: Critical Inquiries», в которой суммируются теоретические исследования на эту тему и приводятся кейсы из разных регионов мира. Это своего рода промежуточный итог дискурсивного поворота к человеческому фактору в ЯП, и нам хотелось бы привести здесь отрывок из предисловия, звучащий как своего рода манифест нового направления в исследованиях ЯП: «Хотя легко попасть в ловушку рассмотрения языковой политики и планирования как чего-то безликого и абстрактного и сосредоточиться на анализе законов о языке или учебных планов, никогда не следует забывать, что на каждом этапе здесь участвуют люди — от формирования политики до ее реализации на всех уровнях, от наднационального до местного. На всех этапах и на разных уровнях политика обсуждается, интерпретируется и присваивается людьми. Соответственно, современные исследования языковой политики и планирования уделяют особое внимание политическим действиям, предпринимаемым людьми, которые рассматриваются как ключевые политические акторы, агенты или арбитры» [Hult 2018: 1].

В небольшом комментарии, на наш взгляд, нуждается и менее проблемный термин *языковой активизм* (*language activism*) и, соответственно, вопрос о том, кого считать *языковыми активистами*. Языковой активизм определяется как энергичные действия, направленные на использование языка с целью создания, изменения и влияния

на существующую языковую политику. В этом смысле языковые активисты — это отдельные лица или группы, которые с помощью различных средств активно отстаивают свои права на уважение и свободное использование своих языков в различных, часто публичных областях. Языковой активизм может развиваться как реакция на более масштабные, навязанные государством усилия по подавлению или пресечению использования недоминирующих языков [Combs, Penfield 2012: 462]

В этом принимаемом нами в целом определении языкового активизма есть все же один спорный момент: оно предполагает, что языковые активисты должны «быть шумными, чтобы быть услышанными» [там же: 463]. Несмотря на то, что «шумная» деятельность, безусловно, важна, думается, что более правильным было бы другое, более широкое понимание языкового активизма. Оно фактически представляет собой четвертый из подходов, или отношений к МЯ, различаемых в социолингвистической литературе и включающих в себя: (1) негативную оценку языка; (2) индифферентность, когда у людей нет интереса к языку и, соответственно, к его поддержке; (3) общую позитивную оценку — рассмотрение языка как важного элемента этничности в сочетании с личной неготовностью учить его; (4) личную позитивную оценку — рассмотрение языка как основной культурной ценности и реализация этой позиции на практике [Smolicz, Secombe 1998: 13]. Если человек рассматривает язык как основную культурную ценность и реализует эту позицию на практике, то это означает, что языковой активизм может быть и тихим, личным и практиковаться в более камерной обстановке. Если индивид берет на себя обязательство изучать или учить заново язык своих предков, он практикует своего рода языковой активизм. Если он учит языку своих детей — это тоже языковой активизм. Ключевыми являются действия и результаты, а конечной целью являются дети — носители языка, которые в результате активно говорят на этом языке [Combs, Penfield 2012: 463]. Таким образом, языковым активистом может быть каждый — и тот, кто начал изучать недоминантный язык, будучи уже взрослым, и тот, кто пишет книги и учебники на малых языках, и тот, кто продвигает малые языки в интернете, — список сфер и индивидуальных стратегий языкового активизма может быть бесконечен.

Последним нуждающимся в более подробном освещении терминном является, пожалуй, самый популярный и частотный термин *актор*. Вопрос о том, кого понимать под акторами в сфере ЯП, неизбежно

выливается в уровнево-типологическое русло. С. Чжао и Р. Балдауф выделяют следующие четыре типа акторов [Zhao, Baldauf 2012]:

- Люди, обладающие властью (или те, кто занимают государственные должности, осуществляют судебную власть в сфере ЯП)
- Люди, обладающие знаниями (те, кто обладает высоким уровнем экспертных знаний — лингвисты и другие подготовленные эксперты, предоставляющие свои знания для выполнения консультативных функций по вопросам ЯП)
- Люди, обладающие влиянием (ученые, писатели и другие авторитетные члены общества)
- Заинтересованные люди (обычные люди на 'низовом' (grassroots) уровне, кто может участвовать в принятии решений об использовании языка).

И эта, и другие типологии отражают иерархию акторов в сфере ЯП. Наиболее четко эта иерархия видна в другой уровневой классификации, где выделяются супра-макро-, макро-, микро- и инфра-микроуровни. Супра-макроуровень — это уровень государственной ЯП, а инфра-микроуровень — семейной или индивидуальной ЯП [Chua, Baldauf 2011: 940]. В другом варианте типологии акторов Т. Г. Вайли и О. Гарсиа, опираясь на исследования других ученых, проводят различие между (1) акторами на уровне государственного планирования (actors in governmental planning), (2) влиятельными ключевыми лицами, которые обозначаются как «языковые стратеги» (language strategists), (3) *de facto* planners or arbiters — ключевыми лицами в государственных образовательных учреждениях, школах или университетах, которые помогают формировать образовательную языковую политику или влияют на ее интерпретацию, внедрение или ресурсное обеспечение и (4) заинтересованными лицами (stakeholders), включая семьи и местные сообщества [Wiley, Garcia 2016: 50].

На наш взгляд, в классификации Вайли и Гарсиа несколько искусственным является деление между стратегическим и фактическим типами акторов. В целом нужно иметь в виду и проницаемость уровней, и то, что типология акторов ЯП — это удобный аналитический инструментарий, хотя в действительности их взаимодействие сложнее: «обычные люди» на «низовом» уровне могут стать людьми, обладающими влиянием и т. д., особенно в переломные времена. В странах с сильной централизацией власти, как например в России, решающим моментом в деятельности и позициях акторов на поле ЯП является степень

их институционализированности, что прямо влияет на наличие или отсутствие у них свободы воли и свободы действий (*agency*). С учетом этого можно предложить альтернативную типологию акторов ЯП:

- 1) акторы государственно-законодательного уровня;
- 2) (институциональные) имплементаторы ЯП в официальных структурах разных уровней — федерального, регионального и муниципального, *не обладающие agency*;
- 3) (внеинституциональные) акторы — языковые активисты, члены этнических сообществ, учителя, университетские преподаватели, ученые и т. д., *обладающие agency*.

Другими словами, если отдельные «игроки» «на поле» ЯП обладают свободой воли и действуют, исходя из собственных представлений (безусловно, неизбежно социокультурно опосредованных) о разных аспектах ЯП, они относятся к третьей категории. Эти игроки могут быть как официальными лицами, членами (региональных) политических и бизнес-элит, лидерами различных организаций и т. д., так и «обычными людьми»: весь вопрос в наличии или отсутствии у них *agency*. Поэтому слова «институциональные» и «внеинституциональные» в этом списке взяты в скобки: жесткой границы тут нет. Проблема наличия у официальных лиц собственной свободы воли и действий (*agency*) хорошо иллюстрируется примером из статьи Э. Алос-и-Фонта [Alòs i Font 2019], показывающей, как приоритеты государства «считываются» чиновниками (о механизме этого процесса см. в *Разделе 5* «Лингвистические идеологии»). 7 октября 2014 г., за два дня до визита президента Путина в Чебоксары (Чувашия) все таблички с названиями автобусных остановок на центральных улицах между аэропортом и центром города буквально за одну ночь были заменены с двуязычных (чувашско-русских) только на русскоязычные. Автор предполагает, что кто-то в администрации, видимо, был убежден, что президент Путин испытает дискомфорт, увидев на улицах двуязычные вывески, в том числе на региональном языке. Через несколько недель, после серии протестов, вывески опять поменяли, и чувашские названия были на них восстановлены.

И этот, и другие факты, о которых будет сказано в следующих разделах (см., в частности, *Раздел 3*), свидетельствуют о том, что пока в ЯП российского государства есть противопоставление структуры (системы) и людей, что отражается в теории (в частности, в предлагаемой типологии акторов), но, безусловно, есть также и взаимодействие

уровней и акторов. Думается, что уменьшение противопоставления и усиление взаимодействия весьма способствовало бы единению и построению более справедливого и демократического общества. Подчеркнем, что при принятой нами широкой интерпретации языкового активизма, которая потенциально может включать любых акторов, проявляющих инициативу и «энергично действующих» для сохранения МЯ, в данной работе акцент делается на «низовом», bottom-up, наименее институционализированном⁵, индивидуализированном уровне ЯП (третья группа в трехуровневой типологии акторов в сфере ЯП).

3. Акторы и агенсу в языковой политике в России и Западной Европе

В послевоенной Западной Европе в рамках политики регионализма и защиты прав человека кардинально изменились общественные стандарты. В результате многим национальным меньшинствам — таким, к примеру, как баски или саамы — постепенно удалось достичь значительных успехов в ревитализации своих языков и культур. Так, например, в Стране Басков запрет на обучение на баскском языке был снят в 1960 г., после чего началось возрождение икастол⁶, многие из которых получили покровительство католической церкви. В 1970-х гг. началось изучение баскского языка и обучение на нем в государственных и частных школах, которые посещали в то время, соответственно, 46,4 % и 31,5 % учащихся Страны басков и Наварры (в икастолы тогда ходили около 22,1 %) [Кожановский 2011: 113].

Как уже упоминалось, наиболее ярко эти изменения видны в появлении в Западной Европе феномена «нового говорящего» (new speaker), в том числе и в Стране Басков. В самом общем плане понятие «новый говорящий» относится к тем социальным акторам, которые используют и претендуют на владение языком, который по самым разным причинам, как правило, не воспринимается как принадлежащий им или «людям вроде них» [Ó Murchadha et al. 2018: 4]. Таким образом, под это

⁵ Конечно, многие инициативы изначально неинституционального плана впоследствии могут институционализироваться.

⁶ Икастолы — школы с преподаванием на эускаре (баскск. *эускара* — язык басков).

понятие подпадают в том числе мигранты и беженцы, которые, оказавшись в другой стране, осваивают язык этой страны, но не воспринимаются принимающим сообществом как «аутентичные» говорящие, и их аффилиация с языком не воспринимается как естественная.

Но в данной статье мы хотели бы остановиться на этом понятии в контексте миноритарных языков. Хотя в человеческой истории миграции были всегда и автоматически продуцировали «новых говорящих», каковым может считаться любой человек, осваивающий язык, который изначально не был его родным или первым языком, появление «новых говорящих», осваивающих миноритарные, непрестижные, не приносящие дивидендов на современном «лингвистическом рынке» [Бурдьё 2005] языки, — явление новое и беспрецедентное.

Фактически «новые говорящие» идут «против течения», сопротивляясь языковому сдвигу, и есть случаи, когда языки меньшинств обязаны своим существованием только появлению «новых говорящих». Например, хотя было общепризнано, что последний носитель мэнского языка умер в 1974 г., на этом языке сегодня говорят люди, которые усвоили его в основном через образовательные инициативы и благодаря своей личной приверженности языку. Если бы не эти новые говорящие, мэнский язык уже не существовал бы как живой разговорный язык, и в палитре глобального языкового разнообразия стало бы меньше еще одним языком. Таким образом, вклад «новых говорящих» в поддержку языков меньшинств является потенциально серьезной силой для того, чтобы остановить упадок отдельных языков и сыграть роль в остановке более широких процессов языковой гомогенизации во всем мире [Ó Murchadha et al. 2018: 9].

Примеры успешного вмешательства «новых говорящих» в, казалось бы, неизбежные процессы языкового сдвига и исчезновения языков меньшинств не ограничиваются мэнским языком. Говорить о том, что это — тенденция, набирающая силу в европейских странах, позволяют уже довольно многочисленные примеры [см. в: Smith-Christmas et al. 2018; Darquennes, Soler 2019; Puigdevall 2014 и др.]: гэльский язык в Шотландии, уэльский (валлийский) язык в Уэльсе, гернсийский язык / гернсийский диалект нормандского языка⁷, галисийский язык, баскский язык.

⁷ Остров Гернси находится во владении британской короны, но не является частью Соединенного Королевства. Джулия Саллабанк и Ян Маркиз, авторы статьи о «новых говорящих» на о. Гернси, ссылаясь на предпочтения большинства «новых говорящих», описывают его как язык Giernesieï ['dʒɛrnezjeï], а не как диалект [Sallabank,

В концепте «новые говорящие» следует подчеркнуть их принципиальную разницу со «старыми говорящими». Последние — это люди, которые владеют миноритарным языком просто в силу того, что им довелось родиться в сельской местности в среде, говорящей на этом языке; зачастую формального образования на этом языке у них нет (ср. аббревиатуру NORM [Ó Murchadha et al. 2018: 6], расшифровываемую как «nonmobile, older, rural males» ‘немобильные, принадлежащие к старшему поколению, сельские жители, мужчины’) — те, кто традиционно считаются носителями миноритарного языка. «Новые» же говорящие противопоставляются «старым» по всем параметрам: это мобильные, молодые городские жители, представители обоих полов. Так, например, в Галиции⁸ термин «неофаланте» ‘новые говорящие’ стал использоваться и в народе, и в научном сообществе для описания людей, которые выросли, говоря по-испански, но в ключевые моменты своей жизни (как правило, в подростковом или раннем взрослом возрасте) приняли сознательное решение перейти на галисийский язык. Порой это решение включает в себя отказ от говорения на своем первом языке вообще [O'Rourke, Ramallo 2018: 93].

Если в Западной Европе либерализация экономической, политической и социальной жизни после Второй мировой войны повлекла за собой признание ценности многоязычия и культурного разнообразия, то в СССР в это время, напротив, возобладала идеология национального единомыслия и политика продвижения русского языка как языка межнационального общения. На «низовом» уровне, в самих миноритарных сообществах эта политика имела результатом усиление национально-русского двуязычия и русского монолингвизма наряду с падением престижа миноритарных языков. Эти процессы хорошо известны и описаны в огромном количестве работ. С точки зрения нашего исследования здесь примечательно то, что языковой активизм как явление в Советском Союзе отсутствовал. Начало языкового активизма — это, пожалуй, конец 1980-х — начало 1990-х гг., когда в преддверии и после распада Советского Союза на фоне политического и экономического кризиса в стране произошла мобилизация этнического самосознания, всплеск

Marquis 2018: 67–90]. При этом гернсийского языка нет во Всемирной базе языков Ethnologue, что хорошо отражает разницу интерпретаций того, что считать языком и что — диалектом, в зависимости от того, является ли это мнением самого лингвосообщества или взглядом извне, а также от политических и иных факторов.

⁸ Галисия — историческая область на северо-западе Испании.

этнонационализма и регионализма. Этот период менее интересен с точки зрения целей нашей статьи в силу того, что, во-первых, инициаторами движений этого периода были национальные элиты [Замятин 2018; Соколовский, Подлесных 2019: 75] и национальная интеллигенция, во-вторых, эти движения шли преимущественно в институциональном поле и вылились, соответственно, в придание статуса государственных языкам национальных республик РФ и принятие законов о языках. Таким образом, как с точки зрения «игроков», так и уровней ЯП это в большей степени макроуровневые действия, и из четырех групп акторов, выделяемых Чжао и Бальдауфом, ЯП формировалась в тот период в первую очередь людьми, обладающими властью, знаниями и влиянием.

Несмотря на то, что инициативы 1990-х гг. — это тоже языковой активизм, нас, как уже было сказано, интересуют современные *bottom-up* инициативы и «игроки» на этом поле. Но и в синхроническом плане в рамках одной статьи совершенно невозможно описать даже часть такого масштабного явления, как современный российский языковой активизм. Говоря «масштабный», мы имеем в виду не размах самого движения: это не мейнстрим, а скорее тенденция, которая, тем не менее, имеет тот же вектор развития, что и общемировые, в частности, западноевропейские тенденции в сфере многоязычия, описанные выше. Под масштабностью мы имеем в виду размер страны и разнообразие языковых ситуаций с самых разных точек зрения: статуса МЯ в РФ (государственные языки в республиках РФ, официальные языки, языки коренных малочисленных народов и др.), количества говорящих или членов этнической группы, степени сохранности языков, развитости языкового активизма и т. д.

Здесь нам хотелось бы начать с одного полевого социолингвистического исследования, которое автор данной статьи проводила в 2004–2006 гг. на территории этнической Бурятии⁹ с целью выявления факторов, способствующих сохранению или исчезновению бурятского языка. Одним из выводов исследования было то, что бурятская этническая общность рассматривает язык как важный элемент этничности в сочетании с личной неготовностью изучать его и учить ему

⁹ Под этнической Бурятией в современной монголистике понимается регион компактного проживания современных бурят на территории Российской Федерации. Этот регион включает в себя Республику Бурятия, бывший Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (ныне часть Иркутской области) и Агинский Бурятский автономный округ (ныне часть Забайкальского края).

своих детей [Хилханова 2009: 336–337]. Это третий из четырех подходов, или отношений, к миноритарным языкам, о которых говорилось в *Разделе 2*. Другими словами, национально-культурное возрождение в те годы проявлялось в изменении *субъективно-детерминированных* параметров языковой ситуации, т. е. в изменении ценностных установок и общем позитивном отношении к миноритарным языкам не только бурятской этнической группы, но и многих других миноритарных сообществ России (см., например: [Алпатов 2018; Вахтин 2001; Боргоякова, Гусейнова 2017; Куцаева 2018]). Этот разрыв между символическим и реальным (практическим) уровнями отношения к языку и речевого поведения достаточно типичен и зафиксирован в разных странах мира [Алпатов 2000: 204; Ó Duibhir et al. 2015]. Отношение к языку как к символической ценности без подкрепления реальными действиями может продолжаться довольно долго; особенно показателен здесь пример с ирландским языком, который, несмотря на благоприятные внешние условия — статус первого официального языка, институциональную поддержку, преподавание его в школе, все же очень медленно входит в сферу реального речеупотребления [Mac Giolla 2012].

С момента вышеупомянутого исследования прошло более 10 лет, и мы можем констатировать, что, хотя и сейчас для родителей характерен перенос ответственности за освоение МЯ с себя на систему образования [Бабич 2019], сегодня не только в этнической Бурятии, но и по всей России мы наблюдаем и четвертый подход — рассмотрение языка как основной культурной ценности и реализация этой позиции на практике. По нашим данным и данным других исследователей языков России [Alòs i Font 2019; Хилханова 2019; Репортаж 2020 и др.], растет количество «низовых» инициатив (*grassroots initiatives*), когда люди начинают учить миноритарные языки и инициировать разные проекты в области их сохранения и продвижения.

Несмотря на обилие сведений, где сообщается о тех или иных проектах и инициативах, подпадающих под определение языкового активизма, анализ его с теоретической точки зрения на российском материале, насколько нам известно, еще не был сделан. Основной причиной этого является, конечно, сама ввелингвистическая природа языкового активизма, сразу выводящая его за пределы интереса ученых, занимающихся сугубо языками, их документацией, описанием и анализом (ср.: «процесс, который мы называем возрождением языка, является не языковым, а прежде всего, социальным явлением, которое должно интерпретироваться исходя из интересов языкового сообщества»

[Марусенко 2014: 147]). Сами же языковые активисты слишком заняты делом — сохранением миноритарных языков. Поэтому в этом разделе приводится данный в первом приближении собирательный «портрет» современного российского языкового активиста, дающий представление об акторах и *agency* в этом поле.

Во-первых, современный российский активизм имеет городской характер. «Языковым активизмом занимается продвинутая интеллигенция и „городская хипстота“, а говорят на языках в основном сельские люди» [Специальный проект]. Это отмечалось и лингвистами на заседании дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике в Институте языкознания РАН 17 марта 2020 г. Как подчеркнула О. А. Казакевич, «видимо, надо, чтобы язык совсем почти умер, чтобы он приехал в город», приведя в качестве примера курсы селькупского в Томске и Абашево, которые пользуются спросом среди местного населения. Аналогичные тенденции, особенно за последние три года, были отмечены А. В. Дыбо в Хакасии, когда «Абакан поднялся и бросился на борьбу за хакасский язык» [Репортаж 2020]. Удивительным образом язык, «выйдя» из деревни, возвращается (напомним, что мы говорим только о начальной тенденции) в этническое сообщество (понятие языковое сообщество не всегда здесь применимо ввиду утери языка многими этническими группами) через его более «продвинутых» горожан.

Следующей чертой является гетерогенность группы языковых активистов, среди которых В. Харитонов и Ф. Алексеев выделяют «внутренних» и «внешних» языковых активистов. Первые являются частью этнического общества и волнуются за судьбу своего языка, а вторые — это те, кто вдруг почему-то решил заняться языком народа, к которому изначально не имел отношения [Алексеев, Харитонов 2020]. К «внешним» языковым активистам авторы также относят иностранцев, которые занимаются не (только) научным изучением, но и проектами по поддержке МЯ России как из-за рубежа, так и внутри самой страны. К последним принадлежат такие известные языковые активисты и социолингвисты, как Эктор Алос-и-Фонт, который успешно работает как на научном поле, так и в проектах по сохранению чувашского языка.

И, наконец, необходимо отметить преимущественно молодежный характер современного российского языкового активизма. Зачастую это молодые люди, которым, как и «новым говорящим», миноритарный язык не был передан «естественным» путем, но поиск своей идентичности в глобализованном мире заставляет их к нему обратиться. Новое поколение выбирает и новые стратегии изучения, сохранения

и продвижения МЯ, делая ставку на интернет-технологии (подробнее об этом см.: [Хилханова 2019; Pischlöger 2010; 2016]).

Все три характеристики воплощаются в одной из наиболее впечатляющих «низовых» инициатив всероссийского масштаба — проекте «Страна языков» (см. группу в социальной сети Vkontakte и вебсайт <https://stranayaz.ru>). Инициаторы и реализаторы проекта — языковые активисты Василий Харитонов и Федор Алексеев. «Страна языков» объединяет всевозможные материалы, информацию, новости, ссылки на учебные проекты по языкам разных народов России, формулируя свое кредо следующим образом: «Россия богата не только нефтью, классической литературой и достопримечательностями. В нашей стране говорят на огромном количестве уникальных языков, многие из которых находятся под угрозой исчезновения. Страна языков — площадка, где языковые активисты могут обмениваться опытом, идеями и энергией» [Страна языков].

Итак, в этом разделе были рассмотрены «новые говорящие» (в Западной Европе) и языковые активисты (в России). Это не значит, что первые существуют только в Западной Европе, а вторые — в России. «Новые говорящие» также являются языковыми активистами, только ушедшими дальше по некоей шкале континуума Смолича и Секомбле: они рассматривают язык как основную культурную ценность и реализуют эту позицию в своих личных практиках. Языковые активисты — это «зонтиковый» термин, включающий в себя и «новых говорящих», но если языковым активистом можно быть, занимаясь только организационной и иной деятельностью на благо МЯ, стать «новым говорящим» можно, лишь самому осваивая МЯ, что тоже является разновидностью языкового активизма. И в том, и в другом случае, конечно, очень важен общественно-политический контекст деятельности языковых активистов. О нем и пойдет речь в следующем разделе.

4. Общественно-политический контекст языкового активизма в России и Западной Европе

В исследованиях «новых говорящих» и их роли в языковой ревитализации говорится о том, что они были фактически результатом ЯП действующих правительств и соответствующих институциональных мер [Darquennes, Soler 2019]. Действительно, важным моментом

в решении освоить МЯ, помимо желания (мотивации идентичности), является то, что у этих людей была и такая возможность. Это значит, что МЯ преподавался в школе в том объеме, который позволяет человеку выйти на уровень говорения. Как говорится в [O'Rourke, Ramallo 2018: 94], «новые говорящие» на галисийском — это продукт языковой политики в этом регионе с 1980-х гг. после перехода Испании к демократии и включения галисийского языка в те сферы использования, в которых он раньше отсутствовал, в том числе в сферу образования и государственного управления.

Тем самым феномен «новых говорящих» вносит вклад в дискуссию о роли образования в сохранении и развитии МЯ, несколько подрывая аргументы тех, кто считает, что язык передается только в семье, и если этого не происходит, никакие образовательные меры не помогут. Получается, что нет: языковая политика в сфере образования может что-то изменить, правда, в комплексе с другими мерами, какие принимаются в таких регионах, как Каталония, Страна Басков, Уэльс, Южный Тироль. Там соответствующие языки пользуются политическим приоритетом и поддерживаются общественностью и правительством. Это означает что стороны готовы финансово инвестировать в язык [Gardner 2005]. Уровень самоуправления в этих регионах достаточно высок, следовательно, регион может сам выбирать, куда и как вкладывать налоговые деньги. Там МЯ рассматриваются не просто как часть этнокультурной идентичности, но и как необходимые для должностей в государственном секторе экономики. Например, в Стране Басков знание баскского языка считается важным преимуществом — до такой степени, что это мотивирует испаноговорящих родителей отправлять своих детей в школу с баскским языком обучения, с тем чтобы укрепить будущие позиции своих детей на рынке труда [Van Dongera et al. 2017: 55].

Следует особо отметить, что такая тенденция зафиксирована не повсеместно в западноевропейских странах. Наряду с новыми подходами, продуцирующими «новых говорящих» и демонстрирующими порой удивительные примеры возрождения языков (к примеру, мэнского или инари-саамского), сохраняются также старые подходы и идеологии, когда МЯ слабо представлены в сфере образования и в целом им не уделяется внимание как со стороны властей, так и самих меньшинственных сообществ. Пример первого подхода мы наблюдаем в регионах с высоким уровнем (а) политической автономии и (б) регионального (или этнического) самосознания: Каталония, Страна Басков, Галиция,

кельтские регионы, саамский регион в Финляндии [Пасанен 2011; Gardner 2005; Gorter, Cenoz 2011; Toivanen 2015; Van Dongera et al. 2017]. При отсутствии этих факторов позиции МЯ остаются слабыми, как, например, в случае с фризским языком в Нидерландах или сорбским в ФРГ [Gorter, Cenoz 2011; Toivanen 2015]. Так, во Фрисландии фризский язык используется в основном в ситуациях неформального общения в семье, общения внутри сообщества и в неквалифицированных профессиях. Межпоколенческая передача языка под вопросом, он не идет в табель успеваемости, поэтому не рассматривается как условие социально-экономического успеха и в самом миноритарном сообществе не считается важным [Gorter, Cenoz 2011: 661].

Подчеркнем, что в современных условиях фактор самосознания / идентичности не менее важен, чем политическая автономия. Например, «классической» страной, где поддерживается один официальный язык и традиционно проводится жесткая ЯП по отношению к МЯ, считается Франция [Бичурина 2012; Ле Коадик 2013; Пестей 2013]. Однако сегодня и во Франции происходит повышение статуса региональных и миноритарных языков, который Н. М. Бичурина вслед за П. Бурдые называет «актом социальной магии», основывая свой анализ на изучении «малых романских языков» на юго-востоке Франции: окситанского (провансальского) и франкопровансальского (арпитанского / савойского) [Бичурина 2012: 88]. Снижение давления государства в сфере ЯП, действительно, переносит фокус инициативы на сами миноритарные сообщества, языковых активистов.

Конечно, как в любой стране, языковые ситуации во Франции отличаются от региона к региону: в одних мы можем говорить о появлении «новых говорящих», как в Испании, к другим более применим термин «языковой активизм». В регионе Рона-Альпы, судя по данным, приведенным Н. М. Бичуриной, речь идет скорее о борьбе языковых активистов за большее признание своего идиома, его сохранение или ревитализацию. В отношении бретонского языка французский лингвист Ле Коадик говорит об «эффекте ножниц, который выражается в том, что вот уже на протяжении нескольких десятилетий практическое использование языка сокращается, тогда как интерес к нему постоянно растет» [Ле Коадик 2013: 104]. При этом в другом регионе — на острове Корсика — есть и «новые говорящие» — молодые люди, для которых корсиканский язык не является родным языком, и большинство выучило его в возрасте после 18 лет, будучи активистами корсиканского движения либо просто находясь в поисках идентичности [Пестей 2013].

Сегодня корсиканский язык из языка, на котором в начале XX в. говорило население острова, на тот момент в основном сельскохозяйственное и живущее в предгорьях, стал языком населения городов и пригородов, занятого преимущественно в третьем секторе. В целом участники процесса языковой ревитализации считают, что ситуация находится на подъеме, и признают достигнутый прогресс. Они ставят перед собой цель к 2030 г. обеспечить возможность двуязычного обучения во всех школах острова [там же: 137].

Таким образом, в западноевропейских странах и общественно-политический контекст, и движимая мотивацией идентичности деятельность языковых активистов имеют значительно отличающуюся региональную специфику. Но тенденции таковы, что, даже если внешний контекст неблагоприятен, движение в поддержку МЯ ширится, и «новые говорящие» появляются даже в странах, где официальная ЯП не поддерживает миноритарные и региональные языки. О том, что активная деятельность людей, позиция самого миноритарного сообщества становятся все более важными, прекрасно сказал Р. Ле Коадик в статье с говорящим названием «Мы столкнулись с врагом, и он — это мы: бретонский язык вчера, сегодня, завтра»: «У бретонского языка на протяжении его истории было несколько врагов. Внешний враг — французское государство, в значительной мере базирующееся на общепольском языковом единстве — конечно, сыграл свою роль. Но существует и внутренний враг — сами бретонцы, подчинившиеся государственной идеологии монолингвизма, смирившиеся со своим коллективным положением угнетенного меньшинства и отказавшиеся от своего языка ради социальных выгод. Сегодня государство более не занимает враждебную позицию в отношении региональных языков как таковых. Оно лишь препятствует их возможной институционализации. Что же касается бретонцев, они сами становятся отчасти врагами бретонского языка, когда позволяют себе самоуспокоенность относительно его будущего, проявляют безразличие или недостаток инициативы. Нет спору, язык понес невосполнимые утраты, но еще не все потеряно» [Ле Коадик 2013: 122].

Перейдем теперь к России и посмотрим, насколько инициативы языковых активистов вписываются в общественно-политический контекст современной России, каково соотношение их действий с ЯП государства и ее имплементацией на институциональном уровне. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть нынешний вектор государственной языковой политики и системную (институциональную) реакцию

на «низовые» инициативы. Говоря об институциональном уровне, мы сосредоточимся на системе образования как наиболее важной для ЯП.

Примерно после 2000-х гг. произошла «корректировка национальной и языковой политики в стране в целом» [Мартынова 2019: 61], или «перезапуск политическим руководством страны государственной этнонациональной политики» [Попков, Костюк 2015]. Наиболее ощутимо эта корректировка проявилась в сфере образования. Сначала из ФГОС в 2007 г. был удален национально-региональный компонент. В 2015–2016 гг. были утверждены и приняты Примерные основные образовательные программы общего образования [ПрООП]. Из пяти вариантов учебного плана, предлагаемых на ступени основного общего образования, лишь в двух (вариантах 4 и 5) содержится предмет «Родной язык»¹⁰, при этом вариант 5, который предназначен для школ с родным (нерусским) языком обучения, отпадает для многих национальных регионов ввиду отсутствия там таких школ. Поэтому единственно возможным остается вариант 4, в котором изучение государственного языка субъекта РФ возможно в объеме 3 часов, и это реализуемо лишь в условиях 6-дневной учебной недели. Поэтому многие родители отказываются от изучения родного языка, если это нерусский язык [Боргоякова 2013], дабы не увеличивать нагрузку для детей, да и для школ более желательна 5-дневная учебная неделя как финансово менее затратная.

Если эти изменения прошли относительно незаметно для широкой общественности, не вызывая широкого резонанса, то вопрос об изучении государственных языков в национальных республиках РФ вышел далеко за пределы образовательного пространства, и совокупность дискурсов 2017–2018 гг. вокруг этого уже квалифицировалась как языковой конфликт [Михальченко 2019: 18; Wingender 2018]. Позиция государства была манифестирована в Федеральном законе от 3 августа 2018 г. № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“», символическое значение¹¹ которого оказалось крайне негативным для миноритарных со-

¹⁰ Напомним, что это было до внесения изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», когда русский язык также получил статус родного языка. До этого под родными языками имелись в виду только нерусские языки, и в ПрООП отражена именно такая интерпретация.

¹¹ В фактическом плане, согласно «Методическим рекомендациям органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющим государственное управление в сфере образования, по вопросу изучения государственных

обществ: в регионах осталось стойкое убеждение, что государство четко обозначило свое отношение к МЯ как к дисциплине «второго сорта»¹², ведь «почему-то никто не требует от родителей заявлений о добровольном обучении математике и биологии, и что подобное требование к школе является нонсенсом» [Якут.]. Общественность, как известно, раскололась на две группы, преимущественно по этническому принципу: русские были в основном против обязательности изучения государственных языков национальных республик, представители других этносов — за (подробнее об этом см., напр., [Мартынова 2019; Соколовский, Подлесных 2019]. Несмотря на небывалую с 1990-х гг. протестную активность общественности в национальных регионах (родительских сообществ, преподавателей, учителей, правозащитников и т. д.), государство провело свою линию, выступив фактически в поддержку русского языка.

Однако у поправок в ФЗ «Об образовании в РФ», помимо того, что они всколыхнули волну языкового активизма и до, и после их принятия, есть и другая, менее заметная, но важная в перспективе сторона. Они делают акцент на инициативе и индивидуальных правах граждан, ведь, чтобы реализовать свое право на изучение родных (в данном случае нерусских) языков, родители должны написать соответствующие заявления. Также они могут консолидироваться, чтобы сформировать группу детей, т. к. право на изучение родного языка осуществляется «в пределах возможностей, предоставляемых системой образования» [ООРФ]. Недостаточное количество желающих как раз может стать

языков республик, находящихся в составе Российской Федерации» [МетРек], изучение родных языков (в том числе русского) в соответствии с новой редакцией ФГОС включено в инвариантную часть учебного плана, и теперь с учетом предмета «государственный язык» часов в учебном плане на изучение родных языков остается столько же, сколько и ранее.

¹² Напомним, однако, что эти дискуссии касались только языков, имеющих статус государственных в республиках РФ, и не затрагивали языки с официальным статусом, или официальные языки (например, бурятский язык в Агинском Бурятском округе Забайкальского края, ненецкий язык в Ямало-Ненецком автономном округе, Ненецком, Ханты-Мансийском автономных округах и др.), а также языки коренных малочисленных народов. Поэтому и негативный эффект от понижения статуса государственных языков в виде уменьшения количества учеников, желающих изучать родные (нерусские) языки, был только в этих регионах, но он гораздо менее существенен, чем ЕГЭ по русскому языку, являющийся определяющим фактором выбора языка в школе.

основанием для отказа в предоставлении данной образовательной услуги. Тем самым закон создает потенциальную платформу для языкового активизма в образовательной сфере, тем более что опыт западно-европейских стран дает достаточно примеров того, как граждане могут объединиться, если они желают, чтобы их дети обучались на МЯ.

Все вышеперечисленные факторы (ПрООП, добровольность изучения родных (нерусских) языков в сочетании с обязательным ЕГЭ по русскому языку) выстраиваются в определенную систему, в которой нерусские языки как бы сами собой «выдавливаются» из образования как институциональной сферы. В. А. Тишков называет это «структурным насилием», понимая под ним действующие правовые и другие нормы, а также институциональные параметры общественно-культурной жизни, которые лишают индивида возможности реализовать свои языковые запросы и потребности, а также и права. В частности, невозможность сдавать аттестационные школьные экзамены на нерусских языках рассматривается им как одна из форм структурного насилия [Тишков, Акбаев 2019: 26].

Описанные выше тенденции в сфере образования происходят параллельно с заметным повышением внимания к роли государственного русского языка, о чем свидетельствует ряд решений на высшем уровне: Правительством РФ утверждена целевая программа «Русский язык» на 2001–2005 гг. (1996), восстановлен ликвидированный в 1997 г. Совет по русскому языку при Правительстве РФ (2005), разработан новый вариант законопроекта «О государственном языке РФ» (2005 г.) [Мартынова 2019: 61–62], принята Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 гг. с финансированием 7604,5 млн рублей, в том числе за счет средств федерального бюджета — 6767,5 млн рублей [ФЦП]; образован Совет по русскому языку при Президенте РФ (2014), утвержден новый состав Совета по русскому языку при Президенте РФ по русскому языку (2019) и т. д.

Этот поворот в национальной и языковой политике страны представляет, по сути, вступление России на новый виток нациестроительства, где в укреплении государственного единства важная роль отводится русскому языку [Стратегия 2012] и русскому этносу, что эксплицитно отражено и в поправках в Конституцию РФ, где появляется понятие «государствообразующего народа» [Полный текст]. При этом государство пытается сохранить межнациональное согласие и межъязыковой баланс, что зафиксировано и в новой редакции Конституции (см. статью 68, п. 3 и статью 69, п. 2) [там же], и в таких мерах, как

учреждение Фонда сохранения и изучения родных языков народов РФ, Института родных языков, премии за вклад в сохранение и возрождение языков коренных народов и за освещение событий года языков коренных народов в СМИ и т. д.

Двойственность такой позиции явственно отражена и в поправках в Конституцию РФ, где «государствообразующий народ» входит «в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации», что многими рассматривается как противоречие (см., например: [Гавриленко и др. 2020]). Противоречивость официальной ЯП РФ подчеркивается и в заключении Консультативного комитета рамочной конвенции по защите национальных меньшинств в Российской Федерации, принятой 20 февраля 2018 г.: «Russian society continues overall to be characterised by a climate of appreciation for ethnic diversity. The Russian Federation has maintained a flexible and pragmatic attitude to the scope of application of the Framework Convention. The country's immense variety of ethnic groups, languages and religions is still largely perceived as an asset and multiple identities as natural. However, official minority policies are framed in a way that appears to emphasise the significance of the Russian ethnicity and language as the core of an overarching all-Russian national identity»¹³ [Advisory Committee 2018]. Такие же противоречия эксперты видят и в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. (далее — Стратегия) [Попков 2016].

В целом, как говорил В. А. Тишков, прямого насилия (запрет на пользование языком, языковые инспекции и наказания и т. п.) в Российской Федерации не существует, но структурное насилие существует [Тишков, Акбаев 2019: 26]. Ученый и языковой активист по сохранению вепсского языка З. И. Строгальщикова формулирует это следующим образом: «Большая часть решений властей являлась ответом, часто запоздалым и малоэффективным, на инициативы вепсской общественности» [Строгальщикова 2016: 166], отмечая в целом отсутствие постоянного взаимодействия между органами власти регионов проживания

¹³ «Российское общество в целом по-прежнему характеризуется атмосферой признания этнического разнообразия. В области применения Рамочной конвенции Российская Федерация придерживалась гибкой и прагматичной политики. Множество этнических групп, языков и религий страны продолжает в значительной мере восприниматься как преимущество, а разнообразие идентичностей — как естественный факт. Тем не менее официальная политика в отношении меньшинств подчеркивает, как представляется, значение русской этнической принадлежности и русского языка как основы общероссийской национальной идентичности».

вепсов и игнорирование властями данных проблем. Ею же подчеркивается, что «с институциональной точки зрения часть из программы вепского возрождения удалось реализовать, но *в основном за счет усилий общественности*. По отношению к вепсам пока действует известный принцип: *права меньшинств возникают, когда они востребованы*» (курсив мой — Прим. Э. Х.) [там же].

В этом смысле ситуация с вепским языком типична для МЯ России, поэтому нет смысла множить примеры, иллюстрирующие взаимодействие «власти и народа» в области ЯП. Думается, что приведенных фактов и аргументов достаточно, чтобы сделать вывод о том, что государственная ЯП РФ, пусть и не сформированная в виде доктринального документа, по-прежнему недружелюбна интересам миноритарных сообществ и их языков, хотя в основополагающих государственных документах заявлены цели «сохранения и развития этнокультурного многообразия народов России, их этнокультурной самобытности» [Стратегия]. Государство, опасаясь этнического сепаратизма, проводит политику централизации и поддержки (обще)государственного русского языка. Миноритарные языки и сообщества не совсем вписываются в эту парадигму, что создает системно-обусловленное противопоставление системы и агенсу и описанные выше трудности в действиях «низовых» акторов — языковых активистов.

Но ситуация с миноритарными языками в России схожа с ситуацией в странах с жесткой языковой политикой, таких как Франция, где государство препятствует институционализации данных языков, но запретить усилия своих граждан по сохранению МЯ не может. В таких условиях более серьезным препятствием становится не внешний, а «внутренний враг» (по выражению Р. Ле Коадика) — находящиеся в головах у людей лингвистические идеологии, являющиеся «концепциями <...> коммуникативного поведения, реализующими коллективное предписание» [Gal, Woolard 1995: 30]. О них и пойдет речь в следующем разделе.

5. Лингвистические идеологии

Лингвистические идеологии — системы убеждений, установок и идей, которые носители имеют о языке/языках и их связи с социальными ценностями [Woolard 2003; Kroskrity 2000: 5] Они имеют аффективное измерение и связаны с тем, что Дж. Кавано называет

«социальной эстетикой языка» [Cavanaugh 2009: 194–195]. Лингвистические идеологии также определяются как образы социально желательных форм использования языка и идеального социального языкового ландшафта, которые сами являются частью и/или производными от более крупных, часто исторически укоренившихся социально-политических идеологий [Blommaert 2006: 244].

Лингвистами выделяется много идеологий, служащих препятствием использованию, освоению и продвижению МЯ. Это и фольклоризация, и гипертрадиционализация (см., напр., [Sallabank, Marquis 2018]), и ассоциация языка только с прошлым и стариной (см., напр., [Боргоякова, Гусейнова 2017; Хилханова 2009]). Многие идеологии вращаются вокруг понятий легитимности и «владения» языком, аутентичности, причем последняя идет рука об руку с пуризмом [Pischlöger 2010, 2016]. В реальной жизни эти идеологии переплетены друг с другом и действие их осуществляется комплексно; нередко противоречивые идеологии сосуществуют в головах одних и тех же людей. Очевидно, что теоретическая статья сравнительного макросоциолингвистического характера не предполагает подробный анализ данных идеологий, однако и теоретический анализ будет неполон, если не показать, как лингвистические идеологии могут выступать в качестве внутреннего регулятора поведения людей в вопросах, связанных с языками. Попытка примирения макро- и микроуровня делается в данном разделе посредством ограничения и фокусации: говоря о Западной Европе, мы ограничимся одним регионом, говоря о России — одной идеологией.

Лингвистическим идеологиям, действующим в отношении гернсийского языка на о. Гернси, посвящена работа Д. Саллабанк и Я. Маркиза под названием «„Мы так не говорим“: Право собственности на язык и (де)легитимация новых говорящих». Авторы изучают эти идеологии в контексте появления «новых говорящих» и языковых активистов, пытающихся учить гернсийский язык и способствовать его ревитализации. Их исследование показало, что для жителей острова, особенно традиционалистов, чья привязанность к своему языку связана с ностальгической идеализацией, изменения языка воспринимаются как пагубные и ведущие к дегенерации. Д. Саллабанк и Я. Маркизом был выявлен целый ряд преимущественно негативных реакций на вариации и изменения в гернсийском, главным образом среди «старых» говорящих, но также интернализированных новыми говорящими и теми, кто еще только учит гернсийский язык. Эти представления отражают опасения утраты права собственности (ownership) на язык: что новые

говорящие могут «взять его, убежать с ним и сделать его своим собственным» [Sallabank, Marquis 2018: 75]. Это усиливает представления о том, что (гернсийский) язык принадлежит только тем, для кого он является «родным» (native speakers), т. е. «традиционным» говорящим, которые считают себя «хранителями» гернсийского языка, но в большинстве своем не передали его своим детям и используют его все реже и реже [там же: 74–75]. Несмотря на это противоречие, в глазах многих «традиционных» говорящих, обладающих престижем в сообществе, только они являются легитимными «владельцами» (гернсийского) языка, и на этом основании они играют демотивирующую роль в ревитализации гернсийского языка. Когда «новые говорящие», изучающие язык, пытаются говорить со старшим поколением, они часто получают в ответ реакцию в виде гиперкоррекции: «мы так не говорим» или «вы никогда не произнесете это так, как это делаем мы». Отсутствие толерантности к ошибкам и изменениям в языке, неизбежно привносимым «новыми говорящими», ведет к тому, что некоторые отказываются от изучения гернсийского языка. Таким образом, в исследовании Саллабанк и Маркиза хорошо показано, как идеологии переплетаются друг с другом: идеологии «владения языком» и «языка прошлого» названы «идеологиями-близнецами» (twin ideologies); они, в свою очередь, связаны с широко распространенными идеологиями аутентичности и «правильности». При этом авторы видят некий парадокс в том, что люди настаивают на «правильности» в языке, который не является стандартизированным и даже полностью описанным.

Такие же идеологии, как правило, действуют во многих миноритарных сообществах, и российские не являются исключением. Но, поскольку эта тема относительно нова для российской социолингвистики, публикаций отечественных ученых о лингвистических идеологиях в России мало (см., напр., [Баранова 2010; Баранова, Федорова 2018; Соколовский, Филиппова 2019; Харитонов, Степина 2020], большинство принадлежит западным ученым (см. [Ferguson 2016a, 2016b; Graber 2017 и др.]). Среди идеологий, препятствующих развитию гражданских инициатив, включая языковой активизм, следует в первую очередь упомянуть особенности массового сознания россиян — унаследованное с советских и более ранних исторических времен восприятие государства как патерналистской силы, «гражданско-политический инфантилизм, который до сих пор сковывает многих россиян по рукам и ногам» [Баталов 1995: 63], ощущение, что «от людей ничего не зависит». Однако, если по мере увеличения временной дистанции, отделяющей

нас от советского периода, и с появлением молодого поколения гражданская пассивность постепенно уходит в прошлое, то другие идеологии продолжают определять отношение к МЯ и их носителям и сейчас.

Как уже говорилось, мы вынуждены остановиться на одной лингвистической идеологии, являющейся наиболее существенным препятствием многоязычию — это, на наш взгляд, укорененная в массовом сознании «одноязычная идеология», которая в России выглядит как русский монолингвизм. Как писал А. А. Бурькин: «Билингвизм в целом не характерен для русской языковой ментальности. На уровне обыденного сознания владение и пользование языками иных этносов носителями данной ментальности не поощряется и не приветствуется» [Бурькин 2004a] (см. также [Zamyatin 2015: 286]). Тому есть и статистическое подтверждение: только 0,6 % из этнических русских говорили на региональных языках или языках коренных народов России, и тенденция русских оставаться одноязычными продолжается и даже усиливается [Mikhalchenko, Trushkova 2003]. То, что говорить на родном (нерусском) языке в присутствии русскоговорящих считалось «неприличным» почти во всех регионах бывшего СССР [Бурькин 2004b: 27], также является проявлением «одноязычной идеологии» на уровне коммуникативного поведения. В упоминавшемся выше полевым исследовании Э. В. Хилхановой информанты не раз говорили о том, что в советские годы в городе людям делались замечания или давались пейоративные оценки из-за того, что они говорили на бурятском языке в общественных местах (об аналогичных случаях в Якутии см. [Ferguson 2016b: 99]).

Касательно современного периода исследователи также пишут о «жесткой монолингвальной установке и неприятии иных языков для части российского общества» [Баранова, Федорова 2018: 44] в статье, посвященной российскому городскому многоязычию. Следствием такой установки является то, что в современном российском обществе владение русским языком (а не каким-либо еще из языков, распространенных в отдельных регионах России) является нормативным и ожидаемым для мигрантов, а представления о нормах русского языка рассматриваются как крайне жесткие и обязательные, в том числе и для не-носителей. В то же время в статье отмечены и трансформации, происходящие в поведении русскоязычных жителей больших городов, постепенно приходящее осознание реально существующего в городе многоязычия. В Заключении авторы выражают надежду на возможность постепенного изменения отношения к многоязычию [там же: *passim*].

В [Харитонов, Степина 2020] для обозначения монолингвальных установок используется термин *монолингвальный габитус*, под которым авторы понимают «общественные установки и практики, при которых монолингвальность считается как дефолтное, «нормальное» качество социума, в то время как многоязычие проблематизируется. При этом таким монолингвальным установкам противостоит фактическое многоязычие т. н. «слышимых» меньшинств, которое может быть скрытым в силу стигматизации и социальной исключенности. Эксплицитное проявление негативных установок в отношении многоязычия мы называем *глоттофобией*» [там же: 93]. Выводы авторов базируются на анализе текстов на темы языковой политики и языковой ситуации в России, комментариев к ним, интервью и данных тематического опроса в социальных сетях.

В социальной сети Facebook 7 марта 2020 г. был размещен пост о том, что некий гражданин обратился в прокуратуру с заявлением против нерусского названия детского этнокультурного центра дополнительного образования в Ханты-Мансийске. Центр назывался «Лылынг союз» (в переводе на русский «Живой ручеек»), «а теперь никак не называется, т. к. прокуратура заставила центр снять вывеску с этим названием. Прокуроры объяснили, что мы живем в России и таких названий быть не должно» [Бульбинская 2020]. В данном случае действия этого написавшего заявление гражданина были продиктованы не чем иным, как нормативным «коллективным предписанием» — идеологией (русского) монолингвизма. Это, безусловно, далеко не единичный пример того, как лингвистические идеологии, укоренившиеся в массовом сознании, управляют поведением людей.

Итак, в этом разделе было показано, как лингвистические идеологии оказывают влияние на ЯП, обуславливая принятие разных решений языкового характера на индивидуальном и семейном уровнях: изучать или не изучать МЯ, говорить или не говорить на нем на публике и т. д. В конечном итоге совокупность этих решений выливается в кардинальный вопрос: жить или не жить миноритарному языку, поэтому важность вскрытия лингвистических идеологий трудно переоценить. Хорошей новостью здесь является то, что лингвистические идеологии, как и идеологии в целом, изменчивы, и мы являемся свидетелями того, как они постепенно меняются в сторону большей либеральности и толерантности. Думаем, многие разделяют впечатление, высказанное А. Б. Шлуинским о том, что «общественный менталитет меняется. Когда я 15 лет назад говорил, что еду в экспедицию изучать

никому не известный малый язык, то люди, не связанные профессионально с лингвистикой, смотрели на меня как на сумасшедшего. Сейчас все откуда-то знают, что это очень важное дело. Это стало витать в воздухе» [Киселева 2020].

6. Выводы и заключение

Настоящая статья, целью которой является сравнительный анализ теории и практики «поворота к людям» в языковой политике на примере России и стран Западной Европы, сама написана в жанре дискурсивной социолингвистики¹⁴. Как в случае с лингвистическими идеологиями, которые влияют на социальную и политическую реальность и, в свою очередь, формируются под влиянием ситуационных, институциональных и социальных контекстов, языковая политика также формирует социальную практику, а в последнее время и все больше формируется ею. Поэтому, помимо отдельного раздела, посвященного теоретическим и терминологическим вопросам (*Раздел 2*), сравнительный анализ был обращен на: новые социальные практики в сфере ЯП и реализующих их людей («новых говорящих» и языковых активистов) (*Раздел 3*); внешний общественно-политический контекст их деятельности в исследуемых макрорегионах (*Раздел 4*); внутренний контекст — лингвистические идеологии, существующие в головах людей и влияющие на социальную реальность в данной сфере (*Раздел 5*).

В *Разделе 2* прослежен взгляд на субъектность в советской и российской социолингвистике в сопоставлении с западными исследованиями. Российский взгляд на субъектность в языковой политике обнаруживает некое переходное состояние от интерпретации ЯП как сферы ответственности государства как единственного или главного субъекта ЯП, юридически регламентирующего этот процесс, до включения в субъекты ЯП разнообразных агентов, от региональных политических и бизнес-элит, групп творческой интеллигенции и академической науки до студентов, школьников, родителей, мигрантских сообществ и т. д. Новый, более инклюзивный взгляд на ЯП вполне соответствует и принятой в статье широкой интерпретации языкового

¹⁴ Как по исходному послы, так и его имплементации статья может быть отнесена и к направлению этнографии языковой политики.

активизма, где акцент делается на личную позицию и практические действия, так что языковыми активистами могут считаться и те, кто говорит со своими детьми на МЯ, и те, кто инициирует акции в поддержку МЯ, и «новые говорящие».

Лидерство западной науки в разработке новых антропоцентрических направлений изучения ЯП и соответствующей терминологии повлекло за собой необходимость освещения дискуссий вокруг терминов *agency*, *language activism*, *actors / agents*, включая проблемы их перевода на русский язык. Понятие *agency* закладывается в качестве типологизирующего критерия в предлагаемой трехуровневой типологии акторов ЯП, более приспособленной к российским реалиям. Помимо государства и устанавливаемых им законов в сфере ЯП, выделяются обладающие и не обладающие *agency* акторы, что, в свою очередь, зависит от их институционализированности (являются ли они официальными лицами), хотя границы между этими категориями проницаемы. В России *structure* и *agency*, т. е. система и свободное волеизъявление людей все еще противопоставлены. В связи с этим заметим, что в западных теоретических работах противопоставление *structure* и *agency*, характерное для более ранних работ [Carter, Sealey 2000], сменяется аргументацией в пользу интеграции этих понятий [Bouchard, Glasgow (eds.) 2018]. Теоретически, безусловно, это так, и интеграция — это идеал, к которому нужно стремиться, но в реальности она зависит от того, насколько сама система (*structure*) позволяет свободу действий и волеизъявлений людей (*agency*).

Сравнение языкового активизма в России и Западной Европе обнаруживает определенные сходства и различия. Общность проявляется в городском характере языкового активизма, гетерогенности самих акторов, молодежном характере и связанном с последним активном применении новых технологий. Сами эти характеристики знаменуют тенденцию к либерализации общественного климата в данных макро-регионах. Если раньше МЯ давался автоматически, «по наследству», и имел «деревенское происхождение», то возврат его либо в структуру персональной идентичности или просто в палитру языкового многообразия — это сознательный выбор, диалектически связанный с изменением ЯП и общественных идеологий. Различия заключаются не только в более позднем начале российского языкового активизма и его меньшем масштабе; они связаны и с более существенным фактором — тем, что меньшее количество людей, чем в Западной Европе, готово принять на себя личную ответственность и проявить инициативу, идущую

порой вразрез с официальной ЯП и идеологией. Перенос ответственности с себя на других (как правило, на школу или государство) проявляется и в том, что в России «новые говорящие» еще не стали столь заметным явлением общественной жизни и объектом интереса социолингвистов, как в Западной Европе. При этом именно «новые говорящие» воплощают в себе языковой активизм, ушедший дальше по пути индивидуализации поведенческих стратегий и «присвоения» недоминирующих и в подавляющем большинстве не приносящих дивидендов на «лингвистическом рынке» миноритарных языков.

Сравнительный анализ общественно-политического контекста в России и странах Западной Европы позволяет прийти к следующим выводам: (1) о важности двух основных факторов в ревитализации МЯ — (а) политической автономии и (б) развитого регионального (или этнического) самосознания при все более повышающейся роли второго даже в странах с жесткой ЯП; (2) о двойственности и противоречивости ЯП российского государства, опасющегося этнического сепаратизма и вступившего на новый виток нациестроительства, в котором русскому языку и русскому этносу отводится важная роль по укреплению государственного единства, но в то же время государство пытается сохранить межнациональное согласие и межъязыковой баланс. В современных условиях, на фоне общемировых процессов регионализации, смены европоцентристской парадигмы на признание ценности всех языков и культур, борьбы за языковые права как часть прав человека, давление государства может иметь парадоксальный эффект. Пример тому — дискуссионные поправки в ФЗ «Об образовании в РФ» 2018 г., вызвавшие волну языкового активизма: люди в регионах (Дагестане, Татарстане, Башкирии, Удмуртии, Сибири и т. д.) активизировали деятельность по развитию и сохранению языков и стали развивать институты общественного управления системой образования (см. об этом также в [Мартынова 2019]) — полагаем, что во многом на протестной волне.

В современных условиях возрастает значимость лингвистических идеологий и, соответственно, их анализа. На основе материалов полевого исследования, данных социальных сетей и анализа литературы в *Разделе 5* был кратко рассмотрен комплекс взаимосвязанных идеологий, препятствующих использованию и освоению гернсийского языка и миноритарных языков в целом, включая идеологию (русского) монолингвизма. Делается вывод о том, что лингвистические идеологии, как и идеологии в целом, являются не статичным, а динамичным

образованием. Механизм их формирования и функционирования реципрокальный: с одной стороны, описанная в *Разделе 5* регуляция ими социального поведения индивида и группы является проекцией идеологий как ментальных образований вовне, на окружающий мир, но, с другой стороны, сами идеологии являются продуктом сложных когнитивных процессов переработки информации извне и создания личностного смысла в сознании индивида. Если меняется социальная и политическая реальность, как мы это наблюдаем в языковой сфере в разных странах, лингвистические идеологии тоже постепенно меняются — в сторону большей либеральности и толерантности.

В заключение скажем, что появление обобщающих публикаций [Bouchard, Glasgow (eds.) 2018; Barakos, Unger 2016; Lane et al. 2018 и др.], качество и количество научных исследований и событий в сфере ЯП, в которых значимость и активность «человеческого фактора» только повышается — показатель того, что степень отражения и теоретического осмысления данных событий в социолингвистической литературе достигли определенного уровня. Пока еще рано говорить о построении теории, способной интегрировать подходы, фокусирующиеся на «внешних» (структурных) и «внутренних» («человеческих») факторах в ЯП. Пока стоит задача научной разработки, условно говоря, второго подхода — «людей в языковой политике». Мы надеемся, что данная статья в какой-то степени будет способствовать решению этой задачи.

Литература

- Алпатов 2018 — В. М. Алпатов. Языковая политика в современном мире // А. Н. Биткеева, М. А. Горячева (отв. ред.). Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтничном государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018): Доклады и сообщения. Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М.: Языки народов мира, 2018. С. 24–33.
- Алпатов 2000 — В. М. Алпатов. Зарубежная социолингвистика о проблемах двуязычия и языков национальных меньшинств // Л. П. Крысин (ред.). Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М.: Едиториал УРСС, 2000. С. 192–209.
- Бабич 2019 — И. Л. Бабич. Современные языковые процессы как фактор национальной идентичности причерноморских адыгов-шапсугов // Е. И. Филиппова, С. В. Соколовский (отв. ред.). Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. М.: Горячая линия — Телеком, 2019. С. 137–159.

- Баранова 2019 — В. В. Баранова. Калмыцкий онлайн: ревитализация, особенности языка и эффективность коммуникации // А. А. Кибрик, В. Ю. Гусев, А. Б. Шлуинский (ред.). Международная конференция «Лингвистический форум-2019: коренные языки России и мира». 4–6 апреля 2019 г. Институт языкознания РАН, Москва: Тезисы докладов. М.: Б. и., 2019. С. 91.
- Баранова 2010 — В. В. Баранова. Каждый калмык должен знать родной язык? Языковая лояльность сообщества в диахронии // А. Байбурун, Е. Головки (ред.). *Nomen est omen: Сб. статей к 60-летию Николая Борисовича Вахтина (от непослушных учеников)*. Вып. 7. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2010. С. 15–23.
- Баранова, Федорова 2018 — В. В. Баранова, К. С. Федорова. Многоязычие в городе: языковая политика, дискурсы и практика // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2018. Т. XIV. Ч. 3. С. 38–56. DOI 10.30842/alp2306573714303
- Баталов 1995 — Э. Я. Баталов. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // *Общественные науки и современность*. 1995. № 3. С. 60–70.
- Бичурина 2012 — Н. М. Бичурина. «Малые романские языки»: металингвистический дискурс и языковая политика Франции (на примере окситанского / провансальского и арпитанского / савойского) // *Вопросы языкознания*. 2012. № 1. С. 88–98.
- Боргоякова 2013 — Т. Г. Боргоякова. Развитие билингвизма в Республиках Тыва и Хакасия (электронный документ) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 7(25): в 2-х ч. Ч. 1. С. 36–39. URL: <http://gramota.net/editions/2html> (дата обращения 01.10.2019).
- Боргоякова, Гусейнова 2017 — Т. Г. Боргоякова, А. В. Гусейнова. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2017.
- Борисова 2019 — Н. В. Борисова. Агентские факторы языковой политики в современной России // О. В. Гаман-Голутвина, Л. В. Сморгун, Л. Н. Тимофеева (ред.). *Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6–7 декабря 2019 г.* М.: МПГУ, 2019. С. 76.
- Бурдьё 2005 — П. Бурдьё. О производстве и воспроизводстве легитимного языка. Отечественные записки. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/o-proizvodstve-i-voisproizvodstve-legitimnogo-yazyka.html> (дата обращения 12.09.2019).
- Бурыкин 2004a — А. А. Бурыкин. Язык меньшинства как «тайный язык» в отечественном социокультурном контексте (электронный ресурс). 2004. URL: <https://www.km.ru/referats/BD7FDF83F8E4453D8804C216C325E380> (дата обращения 18.04.2020).
- Бурыкин 2004b — А. А. Бурыкин. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.

- Вахтин 1998 — Н. Б. Вахтин. Исчезновение языка и языковая трансформация: заметки о метафоре «языковой смерти» // Н. А. Козинцева, А. К. Оглоблин (ред.). Типология. Грамматика. Семантика. К 65-летию В. С. Храковского. СПб.: Наука, 1998. С. 115–128.
- Вахтин 2001 — Н. Б. Вахтин. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
- Вахтин, Головкин 2005 — Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. Исчезающие языки и задачи лингвистов-североведов // А. Е. Кибрик (отв. ред.). Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1: Лингвистические проблемы сохранения малых языков. М.: Новое издательство, 2005. С. 40–51.
- Виноградов 1990 — В. А. Виноградов. Языковая ситуация // В. Н. Ярцева (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 616–617.
- Головкин и др. 2018 — Е. В. Головкин, С. В. Соколовский, А. Б. Шлуинский. Языковая политика в контексте реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. // М. А. Омаров (отв. ред.). Языковая политика в современной России: проблемы и перспективы. М.: Изд-во РГГУ, 2018. С. 4–60.
- Замятин 2018 — К. Замятин. Формирование языковой политики в республиках России в постсоветский период: анализ политического цикла // А. Н. Биткеева, М. А. Горячева (отв. ред.). Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтничном государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018 г.): Доклады и сообщения. Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М.: Языки народов мира, 2018. С. 193–203.
- Иванова 2018 — Н. И. Иванова. Языковые установки саха в сфере образования в контексте современных экстралингвистических реалий (по материалам опросов в г. Якутске) (Электронный ресурс) // Новые исследования Тувы. 2018. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/750> (дата обращения 01.03.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.1.13.
- Кириленко 2015 — С. В. Кириленко. Процессы формирования понятийного аппарата социолингвистики. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2015.
- Кожановский 2011 — А. Н. Кожановский. «Баскский вопрос»: Этнический или территориальный? // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 110–122.
- Кучинов 2015 — А. М. Кучинов. Современные теории structure-agency и русская социология // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 4. Ч. 3 (Электронный ресурс). URL: <http://human.snauka.ru/2015/04/9598> (дата обращения 26.03.2019).
- Куцаева 2018 — М. В. Куцаева. Чувашская диаспора в Московском регионе: социолингвистический портрет // А. Н. Биткеева, М. А. Горячева (отв. ред.). Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтничном государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018): Доклады и сообщения. Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М.: Языки народов мира, 2018. С. 655–661.

- Ле Коадик 2013 — Р. Ле Коадик. Мы столкнулись с врагом, и он — это мы: бретонский язык вчера, сегодня, завтра // Е. Филиппова (отв. ред.). Языки меньшинств: Юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог. М.: ФГНХ «Росинформагротех», 2013. С. 104–124.
- Мартынова 2019 — М. Ю. Мартынова. Язык и школьное образование. Российский опыт // Е. И. Филиппова, С. В. Соколовский (отв. ред.). Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. М.: Горячая линия — Телеком, 2019. С. 40–74.
- Марусенко 2014 — М. А. Марусенко. Языковая идеология и борьба за возрождение языков // Древняя и Новая Романия. 2014. Вып. 14. С. 145–161.
- Михальченко 2019 — В. Ю. Михальченко. Динамика языковой ситуации в Российской Федерации // М. Вингендер, А. Н. Биткеева, Э. В. Хилханова (отв. ред.). Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму. Международный круглый стол (Москва, 5–6 ноября 2019 г.): Доклады и сообщения. Институт языкознания РАН, Научный центр «Восточная Европа» (GiZo) Гиссенского университета им. Юстуса Либига. М.: Б. и., 2019. С. 8–24.
- Молодыченко 2017 — Е. Н. Молодыченко. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 3. С. 122–133. DOI: 10.18721/НТСС.8312
- Мухарямов 2018 — Н. М. Мухарямов. Языковая политика и нациестроительство в меняющихся контекстах // М. А. Омаров (отв. ред.). Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2018. С. 68–75.
- Остофф и Бругман 1960 — Г. Остофф, К. Бругман. Предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков» // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Б. и., 1960. С. 153–164.
- Пестей 2013 — Ф. Пестей. Официальное признание двуязычия на Корсике: итоги и перспективы // Е. Филиппова (отв. ред.). Языки меньшинств: Юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог. М.: ФГНХ «Росинформагротех», 2013. С. 125–144.
- Попков 2016 — Ю. В. Попков. Концептуальные вопросы этнонациональной политики России // Культурное наследие России. 2016. № 3. С. 13–19.
- Попков, Костюк 2015 — Ю. В. Попков, В. Г. Костюк. 2015. Проблемное поле национальной политики в современной России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Т. 13. № 3. С. 71–80.
- Смокотин 2010 — В. М. Смокотин. Европейское многоязычие: от государств-наций к многоязычной и поликультурной Европе. Томск: Изд-во Томского университета, 2010.
- Соколовский, Подлесных 2019 — С. В. Соколовский, О. Н. Подлесных. Язык и политика в сфере образования в Татарстане // Е. И. Филиппова, С. В. Соколовский (отв. ред.). Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации

- и языковые права в России и сопредельных государствах. М.: Горячая линия — Телеком, 2019. С. 75–98.
- Соколовский и Филиппова 2019 — С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова. Законы и идеологии: политика и управление языковыми ситуациями // Е. И. Филиппова, С. В. Соколовский (отв. ред.). Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. М.: Горячая линия — Телеком, 2019. С. 5–18.
- Строгальщикова 2016 — З. И. Строгальщикова. Вепсы в этнокультурном пространстве европейского Севера. Петрозаводск: Периодика, 2016.
- Тишков, Акбаев 2019 — В. А. Тишков, Х. М. Акбаев. «Народ не умирает с языком» или «Язык не живет без народа»? Диалог ученых о конфликте вокруг родного языка // Е. И. Филиппова, С. В. Соколовский (отв. ред.). Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах М.: Горячая линия — Телеком, 2019. С. 19–39.
- Харитонов, Степина 2020 — В. Харитонов, Д. Степина. Монолингвальный габитус в многоязычном обществе: как и что говорят о языках в России // Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика. Конференция молодых ученых. Сб. тезисов. Санкт-Петербург: Б. и., 2020. С. 92–94.
- Хилханова 2009 — Э. В. Хилханова. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социоллингвистический анализ (на примере языковой ситуации в этнической Бурятии). Дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009.
- Хилханова 2019 — Э. В. Хилханова. Интернет и миноритарные языки России: символическое присутствие или инструмент ревитализации? (на примере бурятского языка) // Монголоведение. 2019. Т. 11. № 4. С. 967–988. URL: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-4-967-988> (дата обращения 26.03.2020)
- Хилханова и др. 2016 — Э. В. Хилханова, Г. А. Дырхеева, Л. М. Любимова, Д. Б. Сундуева. Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных регионов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края). Восточно-Сибирский государственный институт культуры; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2016. URL: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-4-967-988> (дата обращения 26.03.2020)
- Швейцер 1976 — А. Д. Швейцер. Современная социоллингвистика. Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1976.
- Шепелев 2015 — А. Н. Шепелев. Роль языковой политики в современной России // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2015. № 10 (150). С. 168–172.
- Ahearn 2001 — L. Ahearn. Language and Agency. *Annual Review of Anthropology*. 2001. Vol. 30. P. 109–137.
- Alòs i Font 2019 — H. Alòs i Font. Russian, Chuvash and English: minority-language activism, tourism promotion and the evolution of municipal advertisements in Shupashkar/Cheboksary (2015–2018) // A. Nikunlassi, E. Protassova (eds.).

- Slavica Helsingiensia. Vol. 52. Russian Language on the Multilingual World. Helsinki: University of Helsinki, 2019.
- Barakos, Unger 2016 — E. Barakos, J. Unger. Discursive approaches to language policy. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016.
- Barker 2005 — C. Barker. Cultural Studies: Theory and Practice. London: Sage, 2005.
- Blommaert 2006 — J. Blommaert. Language policy and national identity // T. Ricento (ed.). An introduction to language policy: Theory and method. Oxford: Wiley Blackwell, 2006. P. 238–254.
- Bouchard, Glasgow (eds.) 2018 — J. Bouchard, G. P. Glasgow (eds.). Agency in Language Policy and Planning: Critical Inquiries. New York; London: Routledge, 2018.
- Canagarajah 2005 — A. S. Canagarajah (ed.). Reclaiming the Local in Language Policy and Practice. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 2005.
- Carter, Sealey 2000 — B. Carter, A. Sealey. Language, structure and agency: What can realist social theory offer to sociolinguistics? // Journal of Sociolinguistics. 2000. Vol. 4. Iss. 1. P. 3–20.
- Cavanaugh 2009 — J. R. Cavanaugh. Living Memory: The Social Aesthetics of Language in a Northern Italian Town. Oxford: Wiley Blackwell, 2009.
- Chua, Baldauf 2011 — S. K. C. Chua, R. B. Jr. Baldauf. Micro Language Planning // E. Hinkel (ed.). Handbook of Research in Second Language Learning and Teaching. Vol. 2. New York: Routledge, 2011. P. 936–951.
- Combs, Penfield 2012 — M. C. Combs, S. D. Penfield. Language activism and language policy // B. Spolsky (ed.). The Cambridge Handbook of Language Policy (Cambridge Handbooks in Language and Linguistics. Pt. I). Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Darquennes, Soler 2019 — J. Darquennes, J. Soler. ‘New speakers’ and language policy research: thematic and theoretical contributions to the field // Language policy. 2019. Vol. 18. Iss. 4. P. 475–491. URL: <https://doi.org/10.1007/s10993-018-9506-2> (дата обращения 26.03.2020).
- Fedorova, Baranova 2018 — K. Fedorova, V. Baranova. Moscow: diversity in disguise // P. Heinrich, D. Smakman (eds.). Urban sociolinguistics: the city as a linguistic process and experience. London: Routledge, 2018. P. 221–237.
- Fedorova, GavriloVA 2010 — K. Fedorova, T. GavriloVA. Native speakers of Russian in interethnic communication: sociolinguistic situations and linguistic strategies // A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (eds.). Slavica Helsingiensia. Vol. 40. Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Helsinki, 2010. P. 50–64.
- Ferguson 2016a — J. K. Ferguson. Code-mixing among Sakha–Russian bilinguals in Yakutsk: A spectrum of features and shifting indexical fields // Journal of Linguistic Anthropology. 2016. Vol. 26. Iss. 2. P. 141–161.
- Ferguson 2016b — J. K. Ferguson. Language has a spirit: Sakha (Iakut) language ideologies and aesthetics of sustenance // Arctic Anthropology. 2016. Vol. 53. № 1. P. 95–111.
- Gal, Woolard 1995 — S. Gal, K. Woolard. Constructing Languages and Publics: Authority and Representation // Pragmatics. 1995. Vol. 5. Iss. 2. P. 129–138.

- Gardner 2005 — N. Gardner. The Basque language in education in Spain (2nd Edition). Leeuwarden / Ljouwert: Mercator Research Centre on Multilingualism and Language Learning, 2005. URL: https://www.euskadi.eus/contenidos/informacion/dia6/en_2027/adjuntos/publications_in_english/basque_language_in_education_in_spain_2005_en.pdf (дата обращения 10.09.2019).
- Glăveanu 2015 — V. P. Glăveanu. From individual agency to co-agency // C. W. Gruber, M. G. Clark, S. H. Klempe, J. Valsiner (eds.). Constraints of agency: Explorations of theory in everyday life. Cham, Switzerland: Springer, 2015. P. 245–266.
- Gorter, Cenoz 2011 — D. Gorter, J. Cenoz. Multilingual education for European minority languages: The Basque Country and Friesland // International Review of Education. 2011. № 57. P. 651–666.
- Graber 2017 — K. E. Graber. The kitchen, the cat, and the table: Domestic affairs in minority-language politics // Journal of Linguistic Anthropology. 2017. Vol. 27. Iss. 2. P. 151–170.
- Grenoble, Bulatova 2018 — L. A. Grenoble, N. Ja. Bulatova. Language standardization in the aftermath of the Soviet Language Empire // P. Lane, J. Costa, H. De Korne (eds.). Standardizing Minority Languages: Competing Ideologies of Authority and Authenticity in the Global Periphery. New York: Routledge, 2018. P. 118–134.
- Halonen et al. 2015 — M. Halonen, P. Ihalainen, T. Saarinen (eds.). Language policies in Finland and Sweden: Interdisciplinary and multi-sited comparisons. Bristol: Multilingual Matters, 2015.
- Hornberger, Johnson 2007 — N. Hornberger, D. Johnson. Slicing the onion ethnographically: Layers and spaces in multilingual language education policy and practice // TESOL Quarterly. 2007. Vol. 41. № 3. P. 509–532.
- Hult 2018 — F. M. Hult. Foreword // J. Bouchard, G. P. Glasgow (eds.). Agency in Language Policy and Planning: Critical Inquiries. New York; London: Routledge, 2018.
- Johnson 2009 — D. Johnson. Ethnography of language policy // Language Policy. 2009. Vol. 8. Iss. 2. P. 139–159.
- Johnson 2013 — D. Johnson. Language policy. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.
- Kroskirty 2000 — P. V. Kroskirty. Regimenting Languages: Language Ideological Perspectives // P. V. Kroskirty (ed.). Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities. Santa Fe: School of American Research Press, 2000. P. 1–34.
- Lane et al. 2018 — P. Lane, J. Costa, H. De Korne (eds.). Standardizing Minority Languages: Competing Ideologies of Authority and Authenticity in the Global Periphery. New York: Routledge, 2018.
- Mac-Giolla 2012 — C. D. Mac-Giolla. Jaitacht: The Irish Language, Symbolic Power and Political Violence in Northern Ireland, 1972–2008. Cardiff: University of Wales Press, 2012.
- McCarty 2011 — T. McCarty (ed.). Ethnography and language policy. New York; London: Routledge, 2011.
- McCarty 2015 — T. McCarty. Ethnography in language planning and policy research // F. Hult, D. Johnson (eds.). Research methods in language policy and planning: A practical guide. Oxford: Wiley Blackwell, 2015. P. 81–93.

- Mikhalchenko, Trushkova 2003 — V. Yu. Mikhalchenko, J. Trushkova. Russian in the modern world // J. Maurais, M. A. Morris (eds.). *Languages in a globalizing world*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003. P. 260–290.
- Moore 2016 — J. W. Moore. What Is the Sense of Agency and Why Does it Matter? // *Frontiers in Psychology*. 2016. 29 August. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01272/full> (дата обращения 10.09.2019)
- Ó Duibhir et al. 2015 — P. Ó Duibhir, N. Ní Chuaig, L. Ní Thuairisg, C. Ó Brolcháin. Educational Provision through Minority Languages: Review of International Research // Commissioned Research Report: An Chomhairle um Oideachas Gaeltachta agus Gaelscolaíochta (COGG). Dublin: Dep. Educ. Skills, 2015.
- Ó Murchadha et al. 2018 — N. P. Ó Murchadha, M. Hornsby, C. Smith-Christmas, M. Moriarty. New Speakers, Familiar Concepts? // C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó Murchadha (eds.). *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2018. P. 1–22.
- O'Rourke, Ramallo 2018 — B. O'Rourke, F. Ramallo. Identities and New Speakers of Minority Languages: A Focus on Galician // C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó Murchadha (eds.). *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2018. P. 91–109.
- Pischlöger 2010 — C. Pischlöger. Udmurtness in Web 2.0: Urban Udmurts Resisting Language Shift // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2010. Band 38. P. 143–161.
- Pischlöger 2016 — C. Pischlöger. Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case // R. Toivanen, J. Saarikivi (eds.). *Linguistic Genocide Or Superdiversity? New and Old Language Diversities*. Bristol; Buffalo: Multilingual Matters, 2016. P. 108–132.
- Puigdevall 2014 — M. Puigdevall. Introduction. “New Speakers of Minority Languages: Belonging and Legitimacy” [online dossier] // *Digithum*. 2014. Iss. 16. P. 44–46. URL: <https://www.raco.cat/index.php/Digithum/article/view/n16-puigdevall/394155> (дата обращения 26.03.2020).
- Ricento, Hornberger 1996 — T. K. Ricento, N. H. Hornberger. Unpeeling the Onion: Language Planning and Policy and the ELT Profession // *TESOL Quarterly*. 1996. Vol. 30. № 3. P. 401–427.
- Sallabank, Marquis 2018 — J. Sallabank, Y. Marquis. ‘We Don’t Say It Like That’: Language Ownership and (De)Legitimising the New Speaker // C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó Murchadha (eds.). *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2018. P. 67–90.
- Smith-Christmas et al. 2018 — C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó Murchadha (eds.). *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2018.
- Smolicz, Secombe 1998 — J. Smolicz, M. Secombe. Community languages, core values and cultural maintenance: the Australian experience with special reference to Greek, Latvian and Polish groups // M. Clyne (ed.). *Australia, Meeting Place of Languages*. Canberra, Australia: Australian National University, Pacific Linguistics, 1988. P. 11–38.

- Toivanen 2015 — R. Toivanen. Obstacles and successes Comparing Minority Language Activism Among the Sorbs in Germany and the Sámi in Finland // H. F. Marten, M. Riessler, J. Saarikivi, R. Toivanen (eds.). *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union. Comparative Studies on Equality and Diversity. Series Multilingual Education. Vol. 13.* London: Springer International Publishing, 2015. P. 83–105. DOI 10.1007/978-3-319-10455-3_4.
- Tollefson, Pérez-Milans 2018 — J. W. Tollefson, M. Pérez-Milans (eds.). *The Oxford Handbook of Language Policy and Planning.* Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Van Dongera et al. 2017 — R. van Dongera, C. van der Meer, R. Sterk. Research for CULT Committee Minority Languages and Education: Best Practices and Pitfalls // Policy Department for Structural and Cohesion Policies. *Culture and Education.* Brussels: Policy Dep. Struct. Cohes. Policies Eur. Parliament, 2017.
- Wiley, Garcia 2016 — T. G. Wiley, O. Garcia. Language policy and planning in language education: Legacies, consequences, and possibilities // *Modern Language Journal.* 2016. Vol. 100. Suppl. 1. P. 48–63. URL: <https://doi.org/10.1111/modl.12303> (дата обращения 26.03.2020).
- Wingender 2018 — M. Wingender. Diskursive Konstruktion von Sprachenvielfalt und Sprachenkonflikten in Russland — Sprachenpolitik im Kontext von nationaler Sicherheit // S. Kempgen, M. Wingender, L. Udolph (eds.). *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress.* Wiesbaden: Harrasowitz, 2018. P. 353–364.
- Woolard 2003 — K. Woolard. We Don't Speak Catalan Because We Are Marginalized: Ethnic and Class Connotations of Language in Barcelona // R. K. Blot (ed.). *Language and Social Identity.* Westport, CT: Praeger Publishers, 2003. P. 85–103.
- Zamyatin 2015 — K. Zamyatin. The Evolution of Language Ideology in Post-Soviet Russia // H. F. Marten, M. Riessler, J. Saarikivi, R. Toivanen (eds.). *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union. Comparative Studies on Equality and Diversity. (Series Multilingual Education). Vol. 13.* London: Springer International Publishing, 2015. P. 279–314.
- Zhao, Baldauf 2012 — S. Zhao, R. B. Baldauf. Individual agency in language planning: Chinese script reform as a case study. *Language Problems and Language Planning.* 2012. Vol. 36. Iss. 1. P. 1–24. URL: <http://doi.org/10.1075/lplp.36.1.01zha> (дата обращения 26.03.2020).

Источники

- Алексеев, Харитонов 2020 — Ф. Г. Алексеев, В. С. Харитонов. Российский языковой активизм. Кто спасает алеутский, нивхский, эвенкийский и другие языки России (электронный ресурс). URL: <https://zapovednik.space/material/rossijskij-jazykovo-aktivizm?fbclid=IwAR2SQ5TYBBEnWsi4aRQZTYKC7Y-QqCUOabtJ3KH-7OboZdkqZdvWVYHUuIzC> (дата обращения 19.04.2020).
- Баранова 2019b — В. В. Баранова. Сохранение малых языков самими носителями: кто и как возрождает калмыцкий? (электронный ресурс). URL: <https://euspr.org/>

- news/sokhranenie-malykh-yazykov-samimi-nositelyami-kto-i-kak-vozhzhdает-kalmytskij (дата обращения 15.03.2020).
- Бульбинская 2020 — О. Бульбинская. SOS! Дискриминация хантыйского языка в Ханты-Мансийске!?! (электронный ресурс). URL: <https://www.facebook.com/denis.tokmashev/posts/3111880362190723> (дата обращения 15.04.2020).
- Гавриленко и др. 2020 — А. Гавриленко, А. Хаиров, А. Городнова, Л. Фархутдинов. Этой формулировкой Путин точно закладывает мину. Кто такие русские? 4 марта 2020: (электронный ресурс). URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/459939> (дата обращения 07.04.2020).
- Киселева 2020 — Языки народов России: кому они родные и почему мы хотим их сохранить. 21.02.2020 (электронный ресурс). URL: <https://растимдетей.рф/articles/yazyki-narodov-rossii-komu-oni-rodnye> (дата обращения 15.03.2020).
- МетРек — Методические рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющим государственное управление в сфере образования, по вопросу изучения государственных языков республик, находящихся в составе Российской Федерации // Консорциум Кодекс (электронный ресурс). URL: <http://docs.cntd.ru/document/550918049> (дата обращения 10.11.2019).
- Михальченко 2006 — В. Ю. Михальченко (ред.). Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006.
- ООРФ — Федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (электронный ресурс). URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212300007.pdf> (дата обращения 8.10.2019).
- Пасанен 2011 — А. Пасанен. «Языковые гнезда» для саамов Финляндии работают и в школах, этот опыт необходимо применить в России (электронный ресурс) / Информационный центр финно-угорских народов. 2011. URL: <http://finugor.ru/node/21489> (дата обращения 20.04.2019).
- Полный текст — Полный текст поправок в Конституцию: за что мы голосуем? (электронный ресурс). URL: <http://duma.gov.ru/news/48045> (дата обращения 20.04.2020).
- ПрООП — Примерная основная образовательная программа основного общего образования (электронный ресурс). URL: <https://fgosreestr.ru> (дата обращения 18.02.2020).
- Репортаж 2020 — Репортаж о 1-м заседании Дискуссионно-аналитического клуба по вопросам языковой политики (электронный ресурс). URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/200324_daclr (дата обращения 30.04.2020).
- Специальный проект — Специальный проект «Языковая среда». В бой идет хипстота. Что могут сделать простые горожане для сохранения языков народов РФ (электронный ресурс). URL: <https://nazaccent.ru/content/29636-v-boj-idet-hipstota.html> (дата обращения 20.04.2020).
- Страна языков — Страна языков. Площадка для обмена опытом, идеями и энергией для оживления языков (электронный ресурс). URL: <http://stranayaz.ru> (дата обращения 19.06.2019).

- Стратегия — Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (электронный ресурс). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350> (дата обращения 28.01.2013).
- ФЦП — Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 гг. (электронный ресурс). URL: <http://static.government.ru/media/files/UdArRuN-mg2Hdm3MwRUwmdE9N3ohezpQ.pdf> (дата обращения 06.04.2020).
- Якут. — Якутия: мы же не требуем согласия родителей на изучение математики или биологии, 28 сентября 2017: (электронный ресурс). URL: https://ru.wikinews.org/wiki/Якутия:_Мы_же_не_требуем_согласия_родителей_на_изучение_математики_или_биологии (дата обращения 22.11.2019).
- Ярцева (гл. ред.) 1990 — В. Н. Ярцева (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Ярцева (ред.) 1998 — В. Н. Ярцева (ред.). Языкознание: большой энциклопедический словарь. 2-е изд. Репр. воспроизведение изд. «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998.
- Advisory Committee 2018 — Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities on the Russian Federation. Fourth Opinion on the Russian Federation — adopted on 20 February 2018. (электронный документ). URL: <https://rm.coe.int/4th-advisory-committee-opinion-on-the-russian-federation-english-lang/1680908982> (дата обращения 19.01.2019).
- UNESCO Atlas — UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger (электронный документ). URL: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger/> (дата обращения 09.09.2019).

References

- Ahearn 2001 — L. Ahearn. Language and Agency. *Annual Review of Anthropology*. 2001. Vol. 30. P. 109–137.
- Alòs i Font 2019 — H. Alòs i Font. Russian, Chuvash and English: minority-language activism, tourism promotion and the evolution of municipal advertisements in Shupashkar/Cheboksary (2015–2018). A. Nikunlassi, E. Protassova (eds.). *Slavica Helsingiensia*. Vol. 52. *Russian Language on the Multilingual World*. Helsinki: University of Helsinki, 2019.
- Alpatov 2000 — V. M. Alpatov. Zarubezhnaya sotsiolingvistika o problemakh dvuyazychiya i yazykov natsionalnykh menshinstv [Foreign sociolinguistics on the problems of bilingualism and languages of national minorities]. L. P. Krysin (ed.). *Rechevoe obshchenie v usloviyakh yazykovoy neodnorodnosti* [Speech communication in the conditions of linguistic heterogeneity]. Moscow: Editorial URSS, 2000. P. 192–209.
- Alpatov 2018 — V. M. Alpatov. Yazykovaya politika v sovremennom mire [Language policy in the modern world]. A. N. Bitkeeva, M. A. Goryacheva (eds.). *Yazykovoe edinство i yazykovoe raznoobrazie v politnicheskom gosudarstve: Mezhdunarodnaya*

- konferentsiya (Moskva, 14–17 noyabrya 2018): Doklady i soobshcheniya* [Linguistic unity and linguistic diversity in a multi-ethnic state: International conference (Moscow, November 14–17, 2018): Reports and presentations]. Institute of Linguistics of the RAS, Research Center on Ethnic and Language Relations. Moscow: Yazyki narodov mira, 2018. P. 24–33.
- Babich 2019 — I. L. Babich. *Sovremennye yazykovye protsessy kak faktor natsionalnoy identichnosti prichernomorskikh adygov-shapsugov*. E. I. Filippova, S. V. Sokolovskiy (eds.). *Smert yazyka — smert naroda? Yazykovye situatsii i yazykovye prava v Rossii i sopredelnykh gosudarstvakh* [The death of the language — the death of the people? Language situations and language rights in Russia and neighboring countries]. Moscow: Goryachaya liniya — Telekom, 2019. P. 137–159.
- Barakos, Unger 2016 — E. Barakos, J. Unger. *Discursive approaches to language policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016.
- Baranova 2010 — V. V. Baranova. *Kazhdyy kalmyk dolzhen znat rodnoy yazyk? Yazykovaya loyalmnost soobshchestva v diakhronii*. A. Bayburin, Ye. Golovko (eds.). *Nomen est omen: Sbornik statey k 60-letiyu Nikolaya Borisovicha Vakhtina (ot neposlushnykh uchenikov)*. Iss. 7. St. Petersburg: European University in St. Petersburg, 2010. P. 1523.
- Baranova 2019 — V. V. Baranova. *Kalmytskiy onlayn: revitalizatsiya, osobennosti yazyka i effektivnost kommunikatsii* [Kalmyk online: revitalization, language features and communication efficiency]. A. A. Kibrik, V. Yu. Gusev, A. B. Shluinskii (eds.). *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Lingvisticheskiy forum-2019: korennye yazyki Rossii i mira». 4–6 aprelya 2019 g. Institut yazykoznaniya RAN, Moskva: Tezisy dokladov* [International Conference “Linguistic Forum-2019: Indigenous Languages of Russia and beyond”. April 4–6, 2019. Institute of Linguistics of the RAS, Moscow: Abstracts], Moscow: S. n., 2019. P. 91.
- Baranova, Fedorova 2018 — V. V. Baranova, K. S. Fedorova. *Mnogoyazychie v gorode: yazykovaya politika, diskursy i praktika* [Multilingualism in the city: language policy, discourses and practice]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2018. Vol. XIV. Pt. 3. P. 38–56. DOI 10.30842/alp2306573714303.
- Barker 2005 — C. Barker. *Cultural Studies: Theory and Practice*. London: Sage, 2005.
- Batalov 1995 — E. Ya. Batalov. *Sovetskaya politicheskaya kultura (k issledovaniyu raspadayushcheysya paradigmy)* [The Soviet political culture (towards the study of a disintegrating paradigm)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 1995. No. 3. P. 60–70.
- Bichurina 2012 — N. M. Bichurina. «Malye romanskie yazyki»: metalingvisticheskiy diskurs i yazykovaya politika Frantsii (na primere oksitanskogo / provansalskogo i arpitanskogo / savoyskogo) [«Small romance languages»: metalinguistic discourse and language policy of France (on the example of Occitan / Provençal and Arpitan / Savoy)]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2012. No. 1. P. 88–98.
- Blommaert 2006 — J. Blommaert. *Language policy and national identity*. T. Ricento (ed.). *An introduction to language policy: Theory and method*. Oxford: Wiley Blackwell, 2006. P. 238–254.

- Borgoyakova 2013 — T. G. Borgoyakova. *Razvitie bilingvizma v Respublikakh Tyva i Khakasiya* [The development of bilingualism in the Republics of Tuva and Khakassia]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. No. 7 (25): in 2 parts. Pt. 1. P. 36–39. Available at: <http://gramota.net/editions/2html> (accessed on 01.10.2019).
- Borgoyakova, Guseynova 2017 — T. G. Borgoyakova, A. V. Guseynova. *Status i funkcionirovanie tyurkskikh yazykov Yuzhnoy Sibiri* [Status and functioning of the Turkic languages of southern Siberia]. Abakan: N. F. Katanov Khakass State University Press, 2017.
- Borisova 2019 — N. V. Borisova. Agentskie faktory yazykovoy politiki v sovremennoy Rossii. O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunov, L. N. Timofeeva (eds.). *Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii: Instituty, proekty, aktory: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii Rossiyskoy Akademii pedagogicheskikh nauk*. Moskva, Moskovskiy gorodskoy pedagogicheskiy universitet, 6–7 dekabrya 2019 [Trajectories of Russia's political development: Institutes, projects, actors: materials of the all-Russian scientific conference RAPS. Moscow, Moscow State Pedagogical University, 6–7 December 2019]. Moscow: Moscow State Pedagogical University Press, 2019. P. 76.
- Bouchard, Glasgow (eds.) 2018 — J. Bouchard, G. P. Glasgow (eds.). *Agency in Language Policy and Planning: Critical Inquiries*. New York; London: Routledge, 2018.
- Bourdieu 2005 — P. Bourdieu. O proizvodstve i vosproizvodstve legitimogo yazyka [On the production and reproduction of a legitimate language]. *Otechestvennye zapiski*. 2005. No. 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/o-proizvodstve-i-voisproizvodstve-legitimogo-yazyka.html> (accessed on 12.09.2019).
- Burykin 2004a — A. A. Burykin. *Yazyk menshinstva kak «taynyy yazyk» v otechestvennom sotsiokulturnom kontekste* [Minority language as a «secret language» in the Russian socio-cultural context]. 2004. Available at: <https://www.km.ru/referats/BD7FDF83F8E4453D8804C216C325E380> (accessed on 18.04.2020).
- Burykin 2004b — A. A. Burykin. *Yazyk malochislennogo naroda v ego pismennoy forme (na materiale evenskogo yazyka)* [The language of a small people in its written form (based on the material of the Even language)]. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental studies, 2004.
- Canagarajah 2005 — A. S. Canagarajah (ed.). *Reclaiming the Local in Language Policy and Practice*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 2005.
- Carter, Sealey 2000 — B. Carter, A. Sealey. Language, structure and agency: What can realist social theory offer to sociolinguistics? *Journal of Sociolinguistics*. 2000. Vol. 4. Iss. 1. P. 3–20.
- Cavanaugh 2009 — J. R. Cavanaugh. *Living Memory: The Social Aesthetics of Language in a Northern Italian Town*. Oxford: Wiley Blackwell, 2009.
- Chua, Baldauf 2011 — S. K. C. Chua, R. B. Jr. Baldauf. Micro Language Planning. E. Hinkel (ed.). *Handbook of Research in Second Language Learning and Teaching*. Vol. 2. New York: Routledge, 2011. P. 936–951.
- Combs, Penfield 2012 — M. C. Combs, S. D. Penfield. Language activism and language policy. B. Spolsky (ed.). *The Cambridge Handbook of Language Policy*.

- Cambridge Handbooks in Language and Linguistics. P. I. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Darquennes, Soler 2019 — J. Darquennes, J. Soler. ‘New speakers’ and language policy research: thematic and theoretical contributions to the field. *Language policy*. 2019. Vol. 18. Iss. 4. P. 475–491. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10993-018-9506-2> (accessed on 18.04.2020).
- Fedorova, Baranova 2018 — K. Fedorova, V. Baranova. Moscow: diversity in disguise. P. Heinrich, D. Smakman (eds.). *Urban sociolinguistics: the city as a linguistic process and experience*. London: Routledge, 2018. P. 221–237.
- Fedorova, Gavrilova 2010 — K. Fedorova, T. Gavrilova. Native speakers of Russian in interethnic communication: sociolinguistic situations and linguistic strategies. A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (eds.). *Slavica Helsingiensia*. Vol. 40. Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Helsinki, 2010. P. 50–64.
- Ferguson 2016a — J. K. Ferguson. Code-mixing among Sakha–Russian bilinguals in Iakutsk: A spectrum of features and shifting indexical fields. *Journal of Linguistic Anthropology*. 2016. Vol. 26. Iss. 2. P. 141–161.
- Ferguson 2016b — J. K. Ferguson. Language has a spirit: Sakha (Yakut) language ideologies and aesthetics of sustenance. *Arctic Anthropology*. 2016. Vol. 53. No. 1. P. 95–111.
- Gal, Woolard 1995 — S. Gal, K. Woolard. Constructing Languages and Publics: Authority and Representation. *Pragmatics*. 1995. Vol. 5. Iss. 2. P. 129–138.
- Gardner 2005 — N. Gardner. *The Basque language in education in Spain* (2nd Edition). Leeuwarden/Ljouwert: Mercator Research Centre on Multilingualism and Language Learning. 2005. Available at: https://www.euskadi.eus/contenidos/informacion/dia6/en_2027/adjuntos/publicaciones_in_english/basque_language_in_education_in_spain_2005_en.pdf (accessed on 10.09.2019).
- Glăveanu 2015 — V. P. Glăveanu. From individual agency to co-agency. C. W. Gruber, M. G. Clark, S. H. Klempe, J. Valsiner (eds.). *Constraints of agency: Explorations of theory in everyday life*. Cham, Switzerland: Springer, 2015. P. 245–266.
- Golovko et al. 2018 — Ye. V. Golovko, S. V. Sokolovskiy, A. B. Shluinskiy. Yazykovaya politika v kontekste realizatsii Strategii gosudarstvennoy natsionalnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda [Language policy in the context of implementing the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025]. M. A. Omarov (ed.). *Yazykovaya politika v sovremennoy Rossii: problemy i perspektivy* [Language policy in modern Russia: problems and prospects]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2018. P. 4–60.
- Gorter, Cenoz 2011 — D. Gorter, J. Cenoz. Multilingual education for European minority languages: The Basque Country and Friesland. *International Review of Education*. 2011. No. 57. P. 651–666.
- Graber 2017 — K. E. Graber. The kitchen, the cat, and the table: Domestic affairs in minority-language politics. *Journal of Linguistic Anthropology*. 2017. Vol. 27. Iss. 2. P. 151–170.
- Grenoble, Bulatova 2018 — L. A. Grenoble, N. Ja. Bulatova. Language standardization in the aftermath of the Soviet Language Empire. P. Lane, J. Costa, H. De Korne

- (eds.). *Standardizing Minority Languages: Competing Ideologies of Authority and Authenticity in the Global Periphery*. New York: Routledge, 2018. P. 118–134.
- Halonen et al. 2015 — M. Halonen, P. Ihalainen, T. Saarinen (eds.). *Language policies in Finland and Sweden: Interdisciplinary and multi-sited comparisons*. Bristol: Multilingual Matters, 2015.
- Hornberger, Johnson 2007 — N. Hornberger, D. Johnson. Slicing the onion ethnographically: Layers and spaces in multilingual language education policy and practice. *TESOL Quarterly*. 2007. Vol. 41. No 3. P. 509–532.
- Hult 2018 — F. M. Hult. Foreword. J. Bouchard, G. P. Glasgow (eds.). *Agency in Language Policy and Planning: Critical Inquiries*. New York; London: Routledge, 2018.
- Ivanova 2018 — N. I. Ivanova. Yazykovye ustanovki sakha v sfere obrazovaniya v kontekste sovremennykh ekstralingvистических realiy (po materialam oprosov v g. Yakutsk) [Sakha language attitudes in the field of education in the context of modern extralinguistic realities (based on surveys in Yakutsk)]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva]. 2018. No. 1. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/750> (accessed on 01.03.2019.). DOI: 10.25178/nit.2018.1.13.
- Johnson 2009 — D. Johnson. Ethnography of language policy. *Language Policy*. 2009. Vol. 8. Iss. 2. P. 139–159.
- Johnson 2013 — D. Johnson. *Language policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.
- Kharitonov, Stepina 2020 — V. Kharitonov, D. Stepina. Monolingvalnyy gabitus v mnogoyazychnom obshchestve: kak i chto govoryat o yazykakh v Rossii [Monolingual habitus in a multilingual society: how and what people say about languages in Russia]. *Antropologiya. Folkloristika. Sotsiolingvistika. Konferentsiya molodykh uchenykh. Sbornik tezisev* [Anthropology. Folkloristics. Sociolinguistics. Conference of young scientists. Book of abstracts]. St. Petersburg: S. n., 2020. P. 92–94.
- Khilkhanova 2009 — E. V. Khilkhanova. *Faktory yazykovogo sdviga i sokhraneniya minoritarnykh yazykov: diskursnyy i sotsiolingvистический analiz (na primere yazykovoy situatsii v etnической Buryatii)* [Factors of language shift and minority languages maintenance: discourse and sociolinguistic analysis (on the example of language situation in ethnic Buryatia)]. Doctoral thesis. Barnaul: Altay State University, 2009.
- Khilkhanova 2019 — E. V. Khilkhanova. Internet i minoritarnye yazyki Rossii: simbolicheskoe prisutstvie ili instrument revitalizatsii? (na primere buryatskogo yazyka) [The Internet and minority languages of Russia: a symbolic presence or a tool for revitalization? (The Buryat case)]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies]. 2019. Vol. 11. No. 4. P. 967–988. Available at: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-4-967-988> (accessed on 01.10.2019).
- Khilkhanova et al. 2016 — E. V. Khilkhanova, G. A. Dyrkheeva, L. M. Lyubimova, D. B. Sundueva. *Yazykovoie soznanie i yazykovye ustanovki zhitel'ey prigranichnykh regionov vostoka Rossii (na primere Respubliki Buryatiya i Zabaykalskogo kraja)* [Linguistic Consciousness and Language Attitudes of Residents of the Border Areas of the East of Russia (the Case of the Republic of Buryatia and the Transbaikalian Region)]. East Siberian State Institute of Culture; Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch of the RAS. Moscow: Nauka; Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literature", 2016.

- Kirilenko 2015 — S. V. Kirilenko. *Protsessy formirovaniya ponyatiynogo apparata sotsiolingvistiki* [Processes of formation of the conceptual apparatus of sociolinguistics]. Candidate thesis. Moskva: Institute of Linguistics of the RAS, 2015.
- Kozhanovskiy 2011 — A. N. Kozhanovskiy. «Baskskiy vopros»: Etnicheskiy ili territorialnyy? [«The Basque Question»: Ethnic or Territorial?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2011. No 6. P. 110–122.
- Kroskriy 2000 — P. V. Kroskriy. Regimenting Languages: Language Ideological Perspectives. P. V. Kroskriy (ed.). *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe: School of American Research Press, 2000. P. 1–34.
- Kuchinov 2015 — A. M. Kuchinov. Sovremennye teorii structure-agency i russkaya sotsiologiya [Modern theories of structure-agency and Russian sociology]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 2015. No 4. Ch. 3. Available at: <http://human.snauka.ru/2015/04/9598> (accessed on 26.03.2019).
- Kutsaeva 2018 — M. V. Kutsaeva. Chuvashskaya diaspora v moskovskom regione: sotsiolingvisticheskiy portret [The Chuvash Diaspora in the Moscow region: a sociolinguistic portrait]. A. N. Bitkeeva, M. A. Goryacheva (eds.). *Yazykovoje edinstvo i yazykovoje raznoobrazie v polietnicheskom gosudarstve: Mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva, 14–17 noyabrya 2018): Doklady i soobshcheniya* [Linguistic unity and linguistic diversity in a multi-ethnic state: International conference (Moscow, November 14–17, 2018): Reports and presentations. Institute of Linguistics of the RAS, Research Center on Ethnic and Language Relations. Moscow: Yazyki narodov mira, 2018. P. 655–661.
- Lane et al. 2018 — P. Lane, J. Costa, H. De Korne (eds.). *Standardizing Minority Languages: Competing Ideologies of Authority and Authenticity in the Global Periphery*. New York: Routledge, 2018.
- Le Koadik — R. Le Koadik. My stolknulis s vragom, i on — eto my: bretonskiy yazyk vchera, segodnya, zavtra [We have met the enemy and he is us: the Breton language yesterday, today, tomorrow]. E. Filippova (ed.). *Yazyki menshinstv: yuridicheskiy status i povsednevnyye praktiki. Rossiysko-frantsuzskiy dialog* [Minority languages: legal status and everyday practices. Russian-French dialogue]. Moscow: Rosinformagrotekh, 2013. P. 104–124.
- Mac Giolla 2012 — C. D. Mac Giolla. *Jailtacht: The Irish Language, Symbolic Power and Political Violence in Northern Ireland, 1972–2008*. Cardiff: University of Wales Press, 2012.
- Martynova 2019 — M. Yu. Martynova. Yazyk i shkolnoe obrazovanie. Rossiyskiy opyt [Language and school education. Russian experience]. E. I. Filippova, S. V. Sokolovskiy (eds.). *Smert yazyka — smert naroda? Yazykovye situatsii i yazykovye prava v Rossii i sopredelnykh gosudarstvakh* [The death of the language — the death of the people? Language situations and language rights in Russia and neighboring countries]. Moscow: Goryachaya liniya — Telekom, 2019. P. 40–74.
- Marusenko 2014 — M. A. Marusenko. Yazykovaya ideologiya i borba za vrozozhdenie yazykov [Language ideology and the struggle for the revival of languages]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*. 2014. Iss. 14. P. 145–161.

- McCarty 2011 — T. McCarty (ed.). *Ethnography and language policy*. New York, London: Routledge, 2011.
- McCarty 2015 — T. McCarty. T. Ethnography in language planning and policy research. F. Hult, D. Johnson (eds.). *Research methods in language policy and planning: A practical guide*. Oxford: Wiley Blackwell, 2015. P. 81–93.
- Mikhailchenko 2019 — V. Yu. Mikhailchenko. Dinamika yazykovoy situatsii v Rossiyskoy Federatsii [Dynamics of the language situation in the Russian Federation]. M. Wingender, A. N. Bitkeeva, E. V. Khilkhanova (eds.). *Perspektivy i vyzovy yazykovoy politiki i yazykovoy situatsii v Krymu. Mezhdunarodnyy kruglyy stol (Moskva, 05–06 noyabrya 2019 g.): Doklady i soobshcheniya* [Prospects and challenges of language policy and language situation in the Crimea. International round table (Moscow, 05–06 November 2019): Reports and presentations]; Institute of Linguistics of the RAS, the Giessen Centre for Eastern European Studies (GiZo) of the Justus Liebig University Giessen. Moscow: S. n., 2019. P. 8–24.
- Mikhailchenko, Trushkova 2003 — V. Yu. Mikhailchenko, J. Trushkova. Russian in the modern world. J. Maurais, M. A. Morris (eds.). *Languages in a globalizing world*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003. P. 260–290.
- Molodychenko 2017 — Ye. N. Molodychenko. Identichnost i diskurs: ot sotsialnoy teorii k praktike lingvisticheskogo analiza [Identity and discourse: from social theory to the practice of linguistic analysis]. *Nauchno-tekhnicheskije vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo Politehnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*. 2017. Vol. 8. No. 3. P. 122–133. DOI: 10.18721/JHSS.8312.
- Moore 2016 — J. W. Moore. What Is the Sense of Agency and Why Does it Matter? *Frontiers in Psychology*. 2016. 29 August. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01272/full> (accessed on 18.04.2020).
- Mukharyamov 2018 — N. M. Mukharyamov. Yazykovaya politika i natsiestroitelstvo v menyayushchikhsya kontekstakh [Language policy and nation-building in changing contexts]. M. A. Omarov (ed.). *Natsiestroitelstvo: sostoyanie, problemy, perspektivy. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Nation-building: state, problems, prospects. Materials of the all-Russian scientific conference]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2018. P. 68–75.
- Ó Duibhir 2015 et al. 2015 — P. Ó Duibhir, N. Ní Chuaig, L. Ní Thuairisg, C. Ó Brocháin. *Educational Provision through Minority Languages: Review of International Research. Commissioned Research Report: An Chomhairle um Oideachas Gaeltachta agus Gaelscolaíochta (COGG)*. Dublin: Dep. Educ. Skills, 2015.
- Ó Murchadha et al. 2018 — N. P. Ó Murchadha, M. Hornsby, C. Smith-Christmas, M. Moriarty. New Speakers, Familiar Concepts? C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó Murchadha (eds.). *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2018. P. 1–22.
- O'Rourke, Ramallo 2018 — B. O'Rourke, F. Ramallo. Identities and New Speakers of Minority Languages: A Focus on Galician. C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó Murchadha (eds.). *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2018. P. 91–109.

- Ostgof, Brugman 1960 — G. Ostgof, K. Brugman. Predislovie k knige «Morfologicheskije issledovaniya v oblasti indoevropskikh yazykov» [Preface to the book «Morphological research in the field of Indo-European languages»]. V. A. Zvegintsev. *Istoriya yazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of linguistics of the XIX and XX centuries in essays and extracts]. Moscow: S. n., 1960. P. 153–164.
- Pestey 2013 — F. Pestey. Ofitsialnoe priznanie dvuyazychiya na Korsike: itogi i perspektivy [Official recognition of bilingualism in Corsica: results and prospects]. E. Filippova (ed.). *Yazyki menshinstv: Yuridicheskij status i povsednevnye praktiki. Rossijsko-frantsuzskij dialog* [Minority languages: Legal status and everyday practices. Russian-French dialogue]. Moscow: Rosinformagrotekh, 2013. P. 125–144.
- Pischlöger 2010 — C. Pischlöger. Udmurtness in Web 2.0: Urban Udmurts Resisting Language Shift. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2010. Band 38. P. 143–161.
- Pischlöger 2016 — C. Pischlöger. Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case. *Linguistic Genocide Or Superdiversity? New and Old Language Diversities*. 2016. Vol. 14. P. 108–132.
- Popkov 2016 — Yu. V. Popkov. Kontseptualnye voprosy etnonatsionalnoy politiki Rossii [Conceptual issues of ethno-national policy of Russia]. *Kulturnoe nasledie Rossii*. 2016. No. 3. P. 13–19.
- Popkov, Kostyuk 2015 — Yu. V. Popkov, V. G. Kostyuk. Problemnoe pole natsionalnoy politiki v sovremennoy Rossii [The problem field of national politics in modern Russia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 2015. Vol. 13. No. 3. P. 71–80.
- Puigdevall 2014 — M. Puigdevall. Introduction. “New Speakers of Minority Languages: Belonging and Legitimacy” [online dossier]. *Digithum*. 2014. Iss. 16. P. 44–46. Available at: <https://www.raco.cat/index.php/Digithum/article/view/n16-puigdevall/394155> (accessed on 26.03.2020).
- Ricento, Hornberger 1996 — T. K. Ricento, N. H. Hornberger. Unpeeling the Onion: Language Planning and Policy and the ELT Profession. *TESOL Quarterly*. 1996. Vol. 30. No. 3. P. 401–427. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/3587691>.
- Sallabank, Marquis 2018 — J. Sallabank, Y. Marquis. ‘We Don’t Say It Like That’: Language Ownership and (De)Legitimising the New Speaker. C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó Murchadha (eds.). *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke: Palgrave McMillan, 2018. P. 67–90.
- Shepelev 2015 — A. N. Shepelev. Rol yazykovoy politiki v sovremennoy Rossii [The role of language policy in modern Russia]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*. 2015. No. 10 (150). P. 168–172.
- Shveytser 1976 — A. D. Shveytser. *Sovremennaya sotsiolingvistika. Teoriya, problemy, metody* [Modern sociolinguistics. Theory, problems, methods]. M.: Moscow: S. n., 1976.
- Smith-Christmas et al. 2018 — C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó Murchadha (eds.). *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke: Palgrave McMillan, 2018.
- Smokotin 2010 — V. M. Smokotin. *Evropeyskoe mnogoyazychie: ot gosudarstv-natsiy k mnogoyazychnoy i polikulturnoy Evrope* [European multilingualism: from

- nation-states to a multilingual and multicultural Europe]. Tomsk: Tomsk State University Press, 2010.
- Smolicz, Secombe 1998 — J. Smolicz, M. Secombe. Community languages, core values and cultural maintenance: the Australian experience with special reference to Greek, Latvian and Polish groups. M. Clyne (ed.). *Australia, Meeting Place of Languages*. Canberra, Australia: Australian National University, Pacific Linguistics, 1988. P. 11–38.
- Sokolovskiy, Filippova 2019 — S. V. Sokolovskiy, E. I. Filippova. Zakony i ideologii: politika i upravlenie yazykovymi situatsiyami [Laws and ideologies: policy and management of language situations]. E. I. Filippova, S. V. Sokolovskiy (eds.). *Smert yazyka — smert naroda? Yazykovye situatsii i yazykovye prava v Rossii i sopredelnykh gosudarstvakh* [The death of the language — the death of the people? Language situations and language rights in Russia and neighboring countries]. Moscow: Goryachaya liniya — Telekom, 2019. P. 5–18.
- Sokolovskiy, Podlesnykh 2019 — S. V. Sokolovskiy, O. N. Podlesnykh. Yazyk i politika v sfere obrazovaniya v Tatarstane [Language and education policy in Tatarstan]. E. I. Filippova, S. V. Sokolovskiy (eds.). *Smert yazyka — smert naroda? Yazykovye situatsii i yazykovye prava v Rossii i sopredelnykh gosudarstvakh* [The death of the language — the death of the people? Language situations and language rights in Russia and neighboring countries]. Moscow: Goryachaya liniya — Telekom, 2019. P. 75–98.
- Strogalshchikova 2016 — Z. I. Strogalshchikova. *Vepsy v etnokulturnom prostranstve evropeyskogo Severa* [Vepsians in the ethnocultural space of the European North]. Karelian Scientific Center of the RAS, Institute of Language, Literature and History. Petrozavodsk: Periodika, 2016.
- Tishkov, Akbaev 2019 — V. A. Tishkov, Kh. M. Akbaev. «Narod ne umiraet s yazykom» ili «Yazyk ne zhivet bez naroda»? Dialog uchenykh o konflikte vokrug rodnogo yazyka [«The people do not die with the language» or «the Language does not live without the people»? Dialogue of scientists about the conflict over the native language]. E. I. Filippova, S. V. Sokolovskiy (eds.). *Smert yazyka — smert naroda? Yazykovye situatsii i yazykovye prava v Rossii i sopredelnykh gosudarstvakh* [The death of the language — the death of the people? Language situations and language rights in Russia and neighboring countries]. Moscow: Goryachaya liniya — Telekom, 2019. P. 19–39.
- Toivanen 2015 — R. Toivanen. Obstacles and successes Comparing Minority Language Activism Among the Sorbs in Germany and the Sámi in Finland. H. F. Marten, M. Riessler, J. Saarikivi, R. Toivanen (eds.). *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union. Comparative Studies on Equality and Diversity*. Series Multilingual Education. Vol. 13. London: Springer International Publishing, 2015. P. 83–105. DOI 10.1007/978-3-319-10455-3_4.
- Tollefson, Pérez-Milans 2018 — J. W. Tollefson, M. Pérez-Milans (eds.). *The Oxford Handbook of Language Policy and Planning*. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Vakhtin 1998 — N. B. Vakhtin. Ischeznovenie yazyka i yazykovaya transformatsiya: zametki o metafore «yazykovoy smerti» [Language disappearance and language

- transformation: notes on the metaphor of «language death». N. A. Kozintseva, A. K. Ogloblin (eds.). *Tipologiya. Grammatika. Semantika. K 65-letiyu V. S. Khrakovskogo* [Typology. Grammar. Semantics. To the 65th anniversary of V. S. Khrakovsky]. St. Petersburg: Nauka, 1998. P. 115–128.
- Vakhtin 2001 — N. B. Vakhtin. *Yazyki narodov Severa v XX veke. Ocherki yazykovogo sdviga* [Languages of the peoples of the North in the twentieth century. Essays on the language shift]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2001.
- Vakhtin, Golovko 2005 — N. B. Vakhtin, Ye. V. Golovko. *Ischezayushchie yazyki i zadachi lingvistov-severovedov* [Vanishing languages and tasks of Northern linguists]. A. Ye. Kibrik (ed.). *Malye yazyki i traditsii: sushchestvovanie na grani. Vyp. 1: Lingvisticheskie problemy sokhraneniya malyykh yazykov* [Small languages and traditions: existence on the edge. Iss. 1: Linguistic problems of preserving small languages]. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2005. P. 40–51.
- Van Dongera et al. 2017 — R. van Dongera, C. van der Meer, R. Sterk. *Research for CULT Committee — Minority Languages and Education: Best Practices and Pitfalls*. Policy Department for Structural and Cohesion Policies, Culture and Education. Brussels: Policy Dep. Struct. Cohes. Policies Eur. Parliament, 2017.
- Vinogradov 1990 — V. A. Vinogradov. *Yazykovaya situatsiya* [Language situation]. V. N. Yartseva (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. P. 616–617.
- Wiley, Garcia 2016 — T. G. Wiley, O. Garcia. Language policy and planning in language education: Legacies, consequences, and possibilities. *Modern Language Journal*. 2016. Vol. 100. Suppl. 1. P. 48–63. Available at: <http://doi.org/10.1111/modl.12303> (accessed on 26.03.2020).
- Wingender 2018 — M. Wingender. Diskursive Konstruktion von Sprachenvielfalt und Sprachenkonflikten in Russland — Sprachenpolitik im Kontext von nationaler Sicherheit. S. Kempgen, M. Wingender, L. Udolph (eds.). *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress*. Wiesbaden: Harrasowitz, 2018. P. 353–364.
- Woolard 2003 — K. Woolard. We Don't Speak Catalan Because We Are Marginalized: Ethnic and Class Connotations of Language in Barcelona. R. K. Blot (ed.). *Language and Social Identity*. Westport, CT: Praeger Publishers, 2003. P. 85–103.
- Zamyatin 2015 — K. Zamyatin. The Evolution of Language Ideology in Post-Soviet Russia. H. F. Marten, M. Riessler, J. Saarikivi, R. Toivanen (eds.). *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union. Comparative Studies on Equality and Diversity*. Series Multilingual Education. Vol. 13. London: Springer International Publishing, 2015. P. 279–314.
- Zamyatin 2018 — K. Zamyatin. Formirovanie yazykovoy politiki v respublikakh Rossii v postsovetский period: analiz politicheskogo tsikla [Formation of language policy in the Russian republics in the post-Soviet period: analysis of the political cycle]. A. N. Bitkeeva, M. A. Goryacheva (eds.). *Yazykovoe edinstvo i yazykovoe raznoobrazie v polietnicheskom gosudarstve: Mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva, 14–17 noyabrya 2018): Doklady i soobshcheniya* [Linguistic unity and linguistic diversity in a multi-ethnic state: International conference (Moscow, November 14–17, 2018): Reports and presentations]. Moscow: Yazyki narodov mira, 2018. P. 193–203.

Zhao, Baldauf 2012 — S. Zhao, R. B. Baldauf. Individual agency in language planning: Chinese script reform as a case study. *Language Problems and Language Planning*. 2012. Vol. 36. Iss. 1. P. 1–24. Available at: <http://doi.org/10.1075/lplp.36.1.01zha> (accessed on 26.03.2020).

Sources

- Advisory Committee 2018 — *Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities on the Russian Federation. Fourth Opinion on the Russian Federation — adopted on 20 February 2018*. Available at: <https://rm.coe.int/4th-advisory-committee-opinion-on-the-russian-federation-english-language/1680908982> (accessed on 19.01.2019).
- Alekseyev, Kharitonov 2020 — F. G. Alekseyev, V. S. Kharitonov. *Rossiyskiy yazykovy aktivizm. Kto spasayet aleutskiy, nivkhskiy, evenkiyskiy i drugiye yazyki Rossii* [Russian language activism. Who saves Aleutian, Nivkh, Evenk and other languages of Russia]. Available at: <https://zapovednik.space/material/rossijskiy-jazykovoj-aktivizm?fbclid=IwAR2SQ5TYBBEnWsi4aRQZTYKC7YQqCUOabtJ3KH-7OboZdkqZdvWVYHUuIZc> (accessed on 19.04.2020).
- Baranova 2019b — V. V. Baranova. *Sokhraneniye malykh yazykov samimi nositelyami: kto i kak vozrozhdayet kalmytskiy?* [Preservation of small languages by native speakers themselves: who is reviving Kalmyk and how?]. Available at: <https://eusp.org/news/sokhraneniye-malykh-yazykov-samimi-nositelyami-kto-i-kak-vozrozhdayet-kalmytskiy> (accessed on 15.03.2020).
- Bulbinskaya 2020 — O. Bulbinskaya. SOS! Diskriminatsiya khantyyskogo yazyka v Khanty-Mansiyske! [SOS! Discrimination of the Khanty language in Khanty-Mansiysk!]. Available at: <https://www.facebook.com/denis.tokmashev/posts/3111880362190723> (accessed on 15.04.2020).
- FTSP — *Federalnaya tselevaya programma «Russkiy yazyk» na 2016–2020 gg.* [Federal target program «Russian language» for 2016–2020]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/UdArRuNmg2Hdm3MwRUwmdE9N3ohepzpQ.pdf> (accessed on 06.04.2020).
- Gavrilenko et al. 2020 — A. Gavrilenko, A. Khairov, A. Gorodnova, L. Farkhutdinov. *Etoy formulirovkoj Putin tochno zakladyvayet minu. Kto takiye russkiye? 4 marta 2020* [With this wording, Putin is definitely laying a mine. Who are the Russians? March 4, 2020]. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/459939> (accessed on 07.04.2020).
- Kiseleva 2020 — K. L. Kiseleva. *Yazyki narodov Rossii: komu oni rodnyye i pochemu my khotim ikh sokhranit* [Languages of the peoples of Russia: for whom they are native languages and why we want to preserve them]. Available at: <https://rastimdetey.rf/articles/yazyki-narodov-rossii-komu-oni-rodnyye> (accessed on 15.03.2020).
- MetRek — *Metodicheskiye rekomendatsii organam ispolnitelnoy vlasti subyektov Rossiyskoy Federatsii, osushchestvlyayushchim gosudarstvennoye upravleniye v sfere obrazovaniya, po voprosu izucheniya gosudarstvennykh yazykov respublik*,

- nakhodyashchikhsya v sostave Rossiyskoy Federatsii* [Methodological recommendations to Executive authorities of the Russian Federation's constituent entities that exercise state administration in the field of education, on the issue of studying the state languages of the republics that are part of the Russian Federation]. *Konsortsium Kodeks*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/550918049> (accessed on 10.11.2019).
- Mikhalchenko 2006 — V. Yu. Mikhalchenko (ed.). *Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow: Institute of Linguistics of RAS Press, 2006.
- OORF — *Federalnyy zakon ot 29 dek. 2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii»* [Federal law of 29 Dec. 2012 No. 273-FZ «On education in the Russian Federation»]. Available at: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212300007.pdf> (accessed on 8.10.2019).
- Pasanen 2011 — A. Pasanen. «*Yazykovyye gnezda*» dlya saamov Finlyandii rabotayut i v shkolakh, etot opyt neobkhodimo primenit v Rossii [«Language nests» for the Finnish Sami also work in schools, and this experience should be applied in Russia]. The Finno-Ugric media center. 2011. Available at: <http://finugor.ru/node/21489> (accessed on 20.04.2019).
- Polnyy tekst — *Polnyy tekst popravok v Konstitutsiyu: za chto my golosuyem?* [Full text of amendments to the Constitution: what do we vote for?]. Available at: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (accessed on 20.04.2020)
- PrOOP — *Primernaya osnovnaya obrazovatel'naya programma osnovnogo obshchego obrazovaniya* [Approximate basic educational program of basic general education]. Available at: <https://fgosreestr.ru> (accessed on 18.02.2020)
- Reportazh 2020 — *Reportazh o 1-m zasedanii Diskussionno-analiticheskogo kluba po voprosam yazykovoy politiki* [Report on the 1st meeting of the Discussion-analytical club on language policy]. Available at: https://iling-ran.ru/web/ru/news/200324_daclp (accessed on 30.04.2020)
- Spetsialnyy proyekt — *Spetsialnyy proyekt «Yazykovaya sreda». V boy idet khipstota. Chto mogut sdelat prostyye gorozhane dlya sokhraneniya yazykov narodov RF* [Special project «Linguistic environment». Hipsters go into battle. What can ordinary citizens do to preserve the languages of the peoples of the Russian Federation]. Available at: <https://nazaccent.ru/content/29636-v-boj-idet-hipstota.html> (accessed on 20.04.2020).
- Strana yazykov — *Strana yazykov*. Ploshchadka dlya obmena opytom, ideyami i yenergiyey dlya ozhivleniya yazykov [Country of languages. A platform for the exchange of experience, ideas and energy for the revival of languages]. Available at: <http://stranayaz.ru> (accessed on 19.06.2019).
- Strategiya — *Strategiya gosudarstvennoy natsionalnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda* [Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350> (accessed on 28.01.2013).
- UNESCO Atlas — *UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger*. Available at: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger/> (accessed on 09.09.2019).

- Yakut. — *Yakutiya: my zhe ne trebuyem soglasiya roditeley na izucheniye matematiki ili biologii*. 28 sentyabrya 2017. [Yakutia: we do not require parental consent to study mathematics or biology. September 28, 2017]. Available at: https://ru.wikinews.org/wiki/Yakutiya:_My_zhe_ne_trebuyem_soglasiya_roditeley_na_izucheniye_matematiki_ili_biologii (accessed on 22.11.2019).
- Yartseva (ed.) 1990 — V. N. Yartseva (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990.
- Yartseva (ed.) 1998 — V. N. Yartseva (ed.). *Yazykoznaniye: bolshoy yentsiklopedicheskiy slovar*. 2-e izd. Repr. vosproizvedeniye izd. «Lingvisticheskogo yentsiklopedicheskogo slovara» 1990 goda [Linguistics: a large encyclopedic dictionary. 2nd ed. Reprint of the ed. «Linguistic encyclopedic dictionary»]. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 1998.